

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб каждой строчкой двигать жизнь вперед.
Такая песня будет побеждать,
Такую песню примет мой народ!

Пускай трудна порою крутизна,
Но там, где люди солнце обретут,
Быть может, песню и мою споют,
И в чьем-то сердце задрожит струна.

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб, взяв их в новый, незнакомый век,
Читатель мог уверенно сказать:
«Недаром прожил в мире человек!»

И там, у завершения крутизны,
Сквозь яркий день и сквозь ночную тьму
Вплетая голос в гул моей страны,
Я так скажу потомку своему:

«Ты слышишь этот песенный прибор,
Ты видишь счастьем залитую ширь—
Храни же свято этот светлый мир,
Что добыт был великою ценой!»

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб этот миг приблизить хоть на час.
Они прекрасны, замыслы, у нас!
И наши песни будут побеждать!

1947

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Бодро иду я дорогой своей,
В сердце моем ни тоски, ни тревоги.
Девушка чистая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Мы повстречались на самой горе,
Сакля стоит у фруктового сада.
Сладки и сочны плоды в сентябре,
Гнется под гроздью лоза винограда.

Девушка имени мне не сказала,
Взгляд ее синим лучом пробежал.
Счастья и друга в пути пожелала,
Смех ее в сердце моем задрожал.

Снова пошел я дорогой своей,
Нет на душе ни тоски, ни тревоги.
Девушка звонкая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Только вдруг что-то случилось в пути:
Руки вдоль тела повисли без силы,
Стало мне жарко и трудно идти,
Путь показался далеким, унылым...

Нежно защелкал в кустах соловей,
Солнце спускалось, в горах пламенея,
Только у девушки голос нежней,
Только у девушки губы краснее.

Что же вы, сильные, крепкие ноги?!
Надо шагать нам дорогой своей:
Девушка быстрая, словно ручей,
Нам пожелала счастливой дороги.

Я постоял и обратно пошел.
Сердце тревога неясная гложет.

Что потерял я и что я нашел?
Кто мне ответить на это поможет?

Я воротник распахнул на груди,
Душный, хмельной надвигается вечер.
Белая сакля стоит впереди,
Кто-то спускается быстро навстречу...

Люди, прислушайтесь к песне моей —
Лучше остаться сидеть на пороге,
Если вам скажет «счастливой дороги»
Девушка нежная, словно ручей!

1946

* * *

Люблю я с откоса весенней порой,
Раздевшись, в студеную воду нырнуть,
Обдаст тебя сразу огонь ледяной,
От холода трудно сначала вздохнуть.

Потом ты плывешь, рассекая руками
Воды и зари многоцветное пламя,
Но так проберет леденящий поток,
Что пробкой летишь на прибрежный песок.

Мне холод такой не мешает ничуть,
Он бодрость и радость вливает мне в грудь,
Он утренней песнею в сердце звенит,
Он сил прибавляет, он кровь горячит.

Люблю я ядреный январский мороз
С холодным сверканьем синеющих льдов,
С лыжней, по которой летишь под откос,
Обрывками песен пугая клестов.

Что холод и что мне лихая зима,
Коль можно хрустальную свежесть вдохнуть?
Не кровь в моих жилах, а юность сама,
Рассвет загорелся, скорее же в путь!

Но все же мороз и меня леденит,
Едва лишь свидания час настает,
Глаза твои — лед, и душа твоя — лед,
И каждая фраза, как льдинка, звенит.

Зачем же тогда я про нежность пою?
Затем, чтоб помочь пробудиться весне,
Разбить скорлупу ледяную твою,
Согреться, а нет, так сгореть на огне.

Когда б я не верил всем сердцем в твой пыл,
Чудачка, неужто б тебя я любил?!
Сказал и почувствовал: кажется, лгу.
Пусть лед! Все равно разлюбить не смогу!

1947

В ТАЙГЕ

В светлом иное березы.
Злы в Сибири холода!
Речка скрылась от мороза
Под тяжелый панцирь льда.

Кедры в белых рукавицах
Молчаливо-высоки...
Жадно нюхает лисица
Деревенские дымки.

На сугробах птичий росчерк,
Ель припудрена снежком,
Дятел, греясь, как извозчик,
О крыло стучит крылом.

Завалил берлогу свежий
Снег. Мороз трещит окрест...
Спит в своей дохе медвежьей
Сам «хозяин» здешних мест.

Только белка-непоседа,
Глаз ореховый кося,

Мчит по веткам, для обеда
Шишку крепкую неся.

Ближний куст ударил громом...
Оборвав свой быстрый бег,
Белка светло-серым комом
Полетела в рыхлый снег.

Эхо в троекратной силе
Гулко ахнуло вокруг.
Кедры, вздрогнув, уронили
Рукавицы с длинных рук.

Человек скользит на лыжах,
Ручейками след бежит.
Средь лисиц пунцово-рыжих
Белка серая лежит.

Сумрак в лес ползет сторожо,
И на веточках осин
Льда стеклянные сережки
Загорелись под рубин.

Вновь от гула встрепенулся
Лес на целую версту,
Только лучше бы вернулся
Или просто промахнулся
Парень в эту красоту!

1947—1973

БЕЛИНСКИЙ

Завидуем внукам и правнукам нашим.

В. Белинский

Мокрыми пальцами дождь барабанит по крыше,
Сумрак из комнаты свет вытесняет в окно,
Ветер озябшие ветки деревьев колышет,
В домике холодно, сыро, пустынно, темно...

Восемь шагов от окошка до ручки дивана,
Блеск лихорадочный из-под опущенных век...
Ходит по комнате, кутаясь в плед беспрестанно,
Нервной походкою бледный худой человек.

Черные души, тупые жестокие люди
Русь обирают, свободу зажали в тиски,
Грабят и молятся, мучают, властвуют, судят,
Пряча наживу под рясы, в ларцы, в кошельки.

Да, он обязан бичующим гневом излиться.
Да, он обязан, он верит в Россию, в народ!
Мысли, надежды... Кто рядом с ним? С кем

поделиться?

Маша... жена? Не поймет, ничего не поймет!

Надо работать, а сил остается немного,
Недуг сжимает своею костлявой рукой,
Злая нужда постоянно стоит у порога,
Просит долги и стучит деревянной клюкой.

Стекла занули — промчалась лихая пролетка...
Вновь подошло... Точно заживо падаешь в гроб:
Кашель мучительный. Жуткая мерзость — чахотка,
Кровь на платке и в холодной испарине лоб...

Только неправда, не сдался он горю и бедам!
Вот он поднялся и, сунув платок свой в карман,
Резким движением вместе со скомканным пледом
Бросил усталость на ситцем обитый диван.

Вот он склонился и что-то торопится, пишет...
Свечка колеблется, ночь застилает окно...
Мокрыми пальцами дождь барабанит по крыше,
В домике холодно, сыро, пустынно, темно.

Нет больше ночи, нет времени, нет расстоянья,
В синих глазах его жаркий огонь отражен,
Вот он сидит, позабывши про боль и страданья,
Правый и гневный «неистовый Виссарион».

Видит он Родину в дальнем, немеркнущем свете, —
Нет, не бесправной, не темной, не рабской — иной.
Видит он Родину ту, что, пройдя сквозь столетье,
Знамя свободы победно взвила над собой!

1948—1976

ЛЕТНИЙ ПОХОД

Ветер поет и звенит над рекой,
Возле обрыва трещит камышами,
Сосны зелеными машут платками,
Небо надулось, как парус тугой.

Мы уплываем все дальше и дальше...
Шлюпки взлетают на зыбкой волне,
Тянется нить журавлей в вышине,
Справа темнеют еловые чащи.

Летний поход: полевые дорожки,
Яркогo солнца и песен пора,
Время рыбалок, печеной картошки,
Время ночевок в лесу у костра.

Крепче на весла, друзья, налегайте,
Спят еще села в предутренний час,
Хочется крикнуть: «Проснитесь, вставайте!
Солнце над рощами брызнет сейчас!»

Сильные руки, упругие взмахи,
Волны кругами бегут к берегам.
Вон и рассвет в кумачовой рубаше,
Встав, по росистым шагает лугам.

Выйдем на берег, товарищ, и встанем
Возле обрыва над самой водой.
Встретим горячий поток золотой,
Руки друг другу в пожатье протянем.

Взглядом ты смело округу обшаришь:
Видишь, как речка под солнцем блестит?
Слышишь, как весело ветер звенит?
Вот она, молодость наша, товарищ!

Нам по земле еще много шагать,
Нам еще много учиться упорно,
Нам еще много рассветов встречать,
Много пропеть еще песен задорных.

Нам еще много работать с тобою,
Долгую жизнь надо славно прожить.
Если дружить — так уж верно дружить!
Если любить — так любить всей душой!

Что ж, нам, пожалуй, пора и назад.
Травы и листья рососою сверкают.
Едем, товарищ, уж день наступает!
Вон и ребята из лодок кричат...

1949

ТРУДНАЯ РОЛЬ

В плетеной корзине живые цветы.
Метель за морозным окном.
Я нынче в гостях у актерской четы
Сижусь за накрытым столом.

Хозяин радушен: он поднял бокал
И весело смотрит на нас.
Он горд, ведь сегодня он в тысячный раз
В любимом спектакле сыграл.

Ему шестьдесят. Он слегка грузноват,
И сердце шалит иногда,
Но, черт побери, шестьдесят не закат!
И что для артиста года?

Нет, сердце ему не плохое дано:
Когда он на сцену вступает,

Лишь вспыхнет от счастья иль гнева оно,
Пять сотен сердец замирает!

А радость не радость: она не полна,
Коль дома лишь гости вокруг,
Но рядом сидит молодая жена —
Его ученица и друг.

О, как же все жесты ее нежны.
Ее красота как приказ!
Он отдал бы все за улыбку жены,
За серые омуты глаз.

Все отдал бы, кладом кичась своим, —
Прекрасное кто же не любит!
Хоть возрастом, может, как дым, седым,
Брюзжаньем и чадом, всегда хмельным,
Он вечно в ней что-то губит...

Сегодня хозяин в ударе: он встал,
Дождался, чтоб стих говорок,
И, жестом свободным пригубив бокал,
Стал звучно читать монолог.

Минута... И вот он — разгневанный мавр!
Платок в его черной ладони.
Гремит его голос то гулом литавр,
То в тяжких рыданиях тонет...

В неистовом взгляде страдальца — гроза!
Такого и камни не вынесут стога!
Я вижу, как вниз опуская глаза,
Бледнеет красивая Дездемона.

Но, слыша супруга ревнивые речи,
Зачем без вины побледнела жена?
Зачем? Ведь в трагедии не было встречи!
Зачем? Это знаем лишь я да она.

Я тоже участник! Я, кажется, нужен,
Хоть роли мне старый Шекспир не отвел.
Я был приглашен и усажен за стол,
Но «роль» у меня — не придумаешь хуже!

Ты хочешь игры? Я играю. Изволь!
И славно играю, не выдал ведь злости.
Но как тяжела мне нелепая роль
Приятеля в доме и честного гостя!

1949

ЖАР-ПТИЦА

— Любовь? Ее нет между нами, —
Мне строго сказала она. —
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

Что ж, дружба — хорошее дело!
В ней силы не раз почерпнешь,
Но дружба имеет пределы,
А мне они — по сердцу нож!

Как жил я, что в сердце вплеталось,
Я все бы ей мог рассказать,
Когда бы она попыталась,
Когда б захотела понять.

Идя сквозь невзгоды и вьюги,
Не встретил я преданных глаз.
Случайные лгали подруги,
Я сам ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы.
Я знал: надо верить и ждать.

Не может так быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Когда же порой мне казалось,
Что к цели приблизился я,
Жар-птица, увы, превращалась
В простого, как хвощ, воробья.

Вспорхнув, воробьи улетали,
И снова я верил и ждал.
И все-таки вспыхнули дали!
И все-таки мир засиял!

И вот наконец золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Моя долгожданная, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут — бери и владей!

Жар-птица сверкнула глазами,
И строго сказала она:
— Любовь? Ее нет между нами.
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

1950

РЕВНОСТЬ

Сдвинув брови, твердыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.

В этот вечер под его ногами
Снег хрустит решительно и жестко.

Час назад в просторном зале клуба
Пестрый вихрь кружился, бушевал,
Пело сердце, рокотали трубы —
Был в разгаре молодежный бал.

Час назад он думал, что развеет
Подозрений горьковатый дым,
Час назад он верил, что владеет
Все еще сокровищем своим.

Но когда любимую увидел
С тем же длинным парнем в тюбетейке,
В сердце злые шевельнулись змейки,
Он смотрел, молчал и ненавидел.

На площадке лестницы пустой
Видел он, как обнял тот подругу.
Вот они придвинулись друг к другу,
Вот поцеловались раз, другой...

Нет, им даром это не пройдет!
Он отвергнут, только он не сдался.
Он им все итоги подведет,
Зря он, что ли, боксом занимался!

Потому суровыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.
И недаром под его ногами
Снег хрустит так твердо и так жестко.

Только для чего готовить мщенье
И катать на скулах желваки?
Если сердце терпит поражение,
Разве тут помогут кулаки?!

1950

ВЕСНА В ЛЕСУ

Дятлы морзянку стучат по стволам:
«Слушайте, слушайте! Новость встречайте!
С юга весна приближается к нам!
Кто еще дремлет? Вставайте, вставайте!»

Ветер тропинкой лесной пробежал,
Почки дыханьем своим пробуждая,
Снежные комья с деревьев сметая,
К озеру вышел и тут заплясал.

Лед затрещал, закачался упрямо,
Скрежет и треск прозвучал в тишине.
Ветер на озере, точно в окне,
С грохотом выставил зимнюю раму.

Солнце! Сегодня как будто их два.
Сила такая и яркость такая!
Скоро, проталины все заполняя,
Щеткой зеленой ползет трава.

Вот прилетели лесные питомцы,
Свист и возню на деревьях подняв.
Старые пни, шапки белые сняв,
Желтые лысины греют на солнце.

Сонный барсук из норы вылезает.
Солнце так солнце, мы рады — изволь!
Шубу тряхнул: не побила ли моль?
Кучки грибов просушить вынимает.

Близится время любви и разлук.
Все подгоняется: перья и волос.
Зяблик, лирически глядя вокруг,
Мягко откашлявшись, пробует голос.

Пеной черемух леса зацвели,
Пахнет настоем смолы и цветений,
А надо всем журавли, журавли...
Синее небо и ветер весенний!

1950

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь весь день хлестал, бесился
Над опушкой, над полями.
К ночи вдруг устал, смирился,
Мирно зазвенел ручьями.

Ветерок промчал по сучьям,
Месяц встал над перелеском,
Рукавом широким туча
Звезды вытерла до блеска.

Тень легла от вербы гибкой,
Над водой камыш согнулся,
Через речку светлый, зыбкий
Лунный мостик протянулся...

Я не сплю, мне душно, жарко.
Может, ветер слишком ласков?
Может, звезды слишком ярки?
Может, мир в особых красках?

Я иду по мокрым травам,
Запах клеверный вдыхая,
Слева — месяц, речка — справа,
Впереди — поля без края.

Кто увидит — отшатнется:
Человек ума лишился,
Человек поет, смеется,
Человек с дороги сбился.

Ну и пусть себе гадает,
Отчего я в поле вышел.
Знаю я, а он не знает,
Я слышал, а он не слышал,

Как совсем еще недавно
В блеске звезд она стояла.
— Мой единственный, мой славный.
Я люблю тебя!.. — сказала.

1950

ТРАДИЦИОННЫЙ ВЕЧЕР

Парень с синими глазами
Под моим окном стоит.
Парень теплыми словами
Мое сердце берedit...

— Вербы шепчут над рекою,
Ночь какая, посмотри!
Выходи, пойдем со мною,
Погуляем до зари.

Я б ответила, конечно:
Дескать, сам встречай зарю.
Но ведь это ж мой любимый,
Но ведь это мой сердечный...

— Ладно, выйду, — говорю.
Мы сидели над обрывом,
Месяц плыл наискосок,
Волны мягко, торопливо

Набегали на песок
Мой парнишка вдруг смутился,
Посерьезнел, замолчал,
Ближе сел, потом склонился
И меня поцеловал.

Я вскочила бы, конечно,
Рассердилась на него.
Но ведь это ж мой любимый,
Но ведь это мой сердечный...
Я смолчала, ничего.
В воскресенье он явился,
Постучался у ворот.
Весь, гляжу, принарядился,
Поманил к плетню и ждет.
Тут он, встав передо мною,
В пальцах ветку теребя,
Молвил: — Будь моей женою,
Не житье мне без тебя!
Я б ответила, конечно:
Мол, не к спеху... посмотрю.
Но ведь это ж мой любимый,
Но ведь это мой сердечный...
— Глупый, сватай! — говорю.

1950

ЛЫЖНИК

Лыжи звенят на упругом снегу,
Птицы, поднявшись, над просекой вьются,
Елки, дубы позади остаются...
Ветер... Я следом за ветром бегу!

Галка вспорхнет или заяц проскачет,
Крикну я вслед им — и дальше, вперед!
Дремлют в снегу подмосковные дачи,
В небе озябшее солнце встает.

Вниз, под уклон, только ветер в ушах!
Холод и страх овладеть не сумеют
Тем, кто горячее сердце имеет,
Крепкие нервы и силу в руках.

Завтра учеба: конспекты, зачеты,
Все подготовить в положенный срок.

В будни поможет упорней работать
Славный морозный воскресный денек!

Поле, за полем заснеженный лес...
Сколько тут солнца, простора и ветра!
Гриву раскинув на полкилометра,
Мимо со свистом промчался экспресс.

Тени вокруг все длинней, все темнее,
Вечер на сучьях развесил закат.
Птицы смолкают. Пора и назад!
Снег вдоль оврага слегка голубеет.

Я не устал, я не мерзну в пути.
Ветер, я мог бы с тобой потягаться!
Мог бы еще хоть до полюса мчаться,
Только мне завтра вставать к девяти.

1951

ЛЮБОВЬ

Известно всем: любовь не шутка,
Любовь — весенний стук сердец,
А жить, как ты, одним рассудком
Нелепо, глупо, наконец!

Иначе для чего мечты?
Зачем тропинки под луною?
К чему лоточницы весною
Влюбленным продают цветы?!

Когда бы не было любви,
То и в садах бродить не надо.
Пожалуй, даже соловьи
Ушли бы с горя на эстраду.

Зачем прогулки, тишина,
Коль не горит огонь во взгляде?

А бесполезная луна
Ржавела б на небесном складе.

Представь: никто не смог влюбиться
И люди стали крепче спать,
Плотнее кушать, реже бриться,
Стихи забросили читать...

Но нет, недаром есть луна
И звучный перебор гитары,
Не зря приходит к нам весна
И по садам гуляют пары.

Бросай сомнения свои!
Люби и верь. Чего же проще?
Не зря ночные соловьи
До хрипоты поют по рощам!

1951

ПРОГУЛКА

Мы шли по росистой тропинке вдвоем
Под сосен приветственный шорох.
А дачный поселок — за домиком дом —
Сползал позади за пригорок.

До почты проселком четыре версты,
Там ждут меня письма, газеты.
— Отправимся вместе, — сказала мне ты
И тоже проснулась с рассветом.

Распластанный коршун кружил в вышине,
Тропинка меж сосен петляла
И, в речку сорвавшись, на той стороне
Вползала в кусты краснотала.

Смеялась ты, грустные мысли гоня.
Умолкнув, тревожно смотрела.

И, каюсь, я знал, что ты любишь меня,
Ты чувства скрывать не умела.

Цветущий шиповник заполнил овраг,
Туман по-над лугом стелился.
Любой убежденный ворчун-холостяк
В такое бы утро влюбился!

Я ж молод, и ты от меня в двух шагах —
Сердечна, проста и красива.
Ресницы такие, что тень на щеках.
Коса с золотистым отливом.

Трава клокотала в пьянящем соку,
Шумела, качаясь, пшеница.
«Любите!» — нам ветер шепнул на бегу.
«Любите!» — кричали синицы.

Да плохо ли вдруг, улыбнувшись, любя,
За плечи обнять дорогую.
И я полюбил бы, конечно, тебя,
Когда не любил бы другую.

Для чувств не годны никакие весы,
К другой мое сердце стремится.
Хоть нет у нее золотистой косы
И явно короче ресницы.

Да что объяснять! И, прогулку кляня,
Я пел, я шутил всю дорогу.
И было смешно тебе слушать меня
И больно, пожалуй, немного.

Тут все бесполезно: прогулка, весна,
Кусты и овражки с ручьями.
Прости, я другую любил, и она,
Незримая, шла между нами.

1954

СНЕЖНЫЙ ВЕЧЕР

Снег кружится пушистой каруселью,
За окнами проулка не видать.
Звонок в прихожей дрогнул резкой трелью,
И мать пошла, вздыхая, открывать.

Наверно, дочь пришла из института,
Сегодня зимней сессии конец.
Ведь знает, что волнуется отец
И мать считает каждую минуту.

А не спешит... Да где уж там спешить!
Завелся друг... Он всюду рядом с нею.
— Мне, мама, Петя должен позвонить.
Ты знаешь, папа, Петя был на Шпрее.

У Пети превосходный реферат,
Он лучший оформитель стенгазеты. —
Дверь хлопнула. Ну вот они, стоят,
Сияют, как две новые монеты.

— Взгляни, отец, уж за окошком ночь,
А им денек коротким показался. —
Парнишка вдруг смущенно затоптался,
И, вспыхнув, густо покраснела дочь.

Летел от щеток веер снежной пыли,
Но что случилось: радость иль беда?
Дочь вдруг сказала: — Папа, мы решили. —
А паренек добавил: — Навсегда!

Но кто бы смог все угадать заранее?
Родители застыли у стола.
Мать сливки на клеенку пролила,
А папа стал мешать в пустом стакане.

Они взглянули молча друг на дружку,
И каждый был немало удивлен.

Дремал лишь кот, свой скучный, длинный сон
Мотая на скрипучую катушку.

А у двоих сегодня — кровь ключом.
Кто сможет, кто заставит их расстаться?
И глупо ждать цветения акаций,
У них весна. И снег тут ни при чем!

Встал старый врач, пуская кольца дыма,
Взглянул на дочь пыливо сквозь очки.
Потом сказал: — Болезнь неизлечима. —
И улыбнулся: — Право, дурачки!

Стоят и ждут родительских укоров,
А оба и смешны и хороши.
И толку нет от скучных разговоров.
— Ну что же, мать, поздравим от души?!

Мать край косынки поднесла к глазам,
А парень молвил тихо, но упрямо:
— Мы все навек решили пополам. —
И в первый раз добавил: — Верьте, мама!

Метель швыряла колкий снег в лицо,
Под арками дворов стонала гулко,
А двое снова вышли на крыльцо
И вновь пошли бродить по переулкам.

Счастливые — им дома не сидится.
Влюбленные — их тьмой не запугать.
Идти им и дорог не разбирать,
Им говорить и не наговориться!

1955

«РЫЖИК»

У низенькой калитки
Судьба столкнула их.
Блестели солнца слитки
На травах молодых.

Два паренька молчали.
Ведь цель у них одна,
Одни у них печали:
Вот здесь живет она.

Та, что смеется звонко,
О ком их сердце мрет,
Глазастая девчонка —
Колхозный счетовод.

Двоим хоть поругаться,
И, право, как им быть:
Кому из них остаться,
Кому из них входить?

Один не даст подругу
Отбить. Высок, плечист.
Краса на всю округу —
Шофер и футболист.

Другой пониже ростом,
Но ладно, крепко сбит.
Себя он держит просто,
Да бойко говорит.

Дежурный с полустанка,
Фуражка — алый цвет.
Проснувшись спозаранку,
Он даже взял букет.

Большой букет сирени.
А может, зря и брал?
Но, потеряв терпенье,
Высокий вдруг сказал:

— Довольно зря топтаться,
Ждать больше нету сил!
Идем, пора дознаться,
Пусть скажет, кто ей мил.

Все выясним без злобы,
Без драки и без ссор. —
Так порешили оба
И двинулись во двор.

Горел закат над лугом...
Без тропок, целиной
«Краса на всю округу»
Уныло брел домой.

На сердце было тяжело:
Другой остался с ней.
В своей большой фуражке
Гриб рыжик. Ей-же-ей!

А покори́л подру́гу.
Но почему и как?
«Краса на всю округу»
С досадой сжал кулак.

Он шел по первоцветам,
Сердился и не знал,
Что «рыжик» был поэтом,
Он ей стихи читал.

1956

* * *

Женщина сказала мне однажды:
— Я тебя люблю за то, что ты
Не такой, как многие, не каждый,
А духовной полон красоты.

Ты прошел суровый путь солдата,
Не растратив вешнего огня.
Все, что для тебя сегодня свято,
То отныне свято для меня.

В думах, в сердце только ты один.
Не могу любить наполовину.

Мир велик, но в нем один мужчина,
Больше нету на земле мужчин.

Мне с тобою не страшны тревоги,
Дай мне руку! Я не подведу.
Сквозь невзгоды, по любой дороге
Хоть до звезд, счастливая, дойду!

...Годы гасли, снова загорались
Вешними зарницами в реке.
И слова хорошие остались
Легкой рябью где-то вдалеке.

И теперь я должен был узнать,
Что весь мир — курорты с магазинами
И что свет наш заселен мужчинами
Гуще, чем я мог предполагать.

А потом та женщина, в погоне
За улыбкой нового тепла,
Выдернула руку из ладони
И до звезд со мною не дошла...

Жизнь опять трудна, как у солдата.
Годы, вьюги, версты впереди...
Только верю все же, что когда-то
Встретится мне женщина в пути.

Из таких, что верности не губит,
Ни рубля не ищет, ни венца,
Кто, коли полюбит, то полюбит,
Только раз и только до конца.

Будет звездным глаз ее сияние,
И, невзгоды прошлого гоня,
В синий вечер нашего свидания
Мне она расскажет про меня.

— Как же ты всю жизнь мою измерила?
Ворожила? —

Улыбнется: — Нет,
Просто полюбила и поверила,
А для сердца — сердце не секрет!

И пойду я, тихий и торжественный,
Сквозь застывший тополиный строй.
Словно праздник, радостью расцветенный,
Не постылый вновь и не чужой.

И, развеяв боль, как горький пепел,
Так скажу я той, что разлюбила:
— Нынче в мире женщину я встретил,
Что меня для счастья воскресила!

1958

* * *

Она была так хороша собой,
Что все мужчины с жаром каждый раз
Любой каприз, любой ее приказ
Бросались выполнять наперебой.

А время шло... Тускнел пожар волос.
Она ж не чтит никаких резон.
И как-то раз, капризно сморщив нос,
Она сказала: — Я хочу пионов!

И вдруг удар: никто не встrepенулся,
На божество никто не поднял глаз.
И только муж пробормотал: — Сейчас. —
Пробормотал, а сам не шелохнулся...

Тогда ей было впору зарыдать.
Она была жалка в своих страданиях.
Как важно в жизни, помня о желаньях,
Возможностей своих не забывать!

1958

РУЧЕЙ

Ручеек протекал меж упругих корней,
Над водою березы качали ветвями.
Много славных девчат и веселых парней
Из поселка ходило сюда вечерами.

Приходили, чтоб шорох берез услышать,
Чтоб сказать... Чтобы в самом заветном открыться.
В роще можно вдвоем до рассвета гулять,
А устав, у ручья посидеть и напиться.

Далеко, над лугами звенела гармонь,
Локон девичий в быстрой воде отражался.
Под тугую струю подставлялась ладонь,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

Люди, месяц, деревья — тут все заодно.
У ручья все влюбленные пары встречались.
Даже те, что женатыми были давно,
Здесь как будто бы снова друг в друга влюблялись.

Я любил. Но мечте черноглазой моей
Я, робея, сказать о любви не решался.
Я, встречаясь, молчал. Я краснел до ушей.
Но однажды, вдруг сам испугавшись, признался.

Я сказал, что не знаю ни ночи, ни дня,
Что брожу постоянно за нею по следу
И что, если она не полюбит меня,
Я умру или к тетке в Воронеж уеду.

— Взять плацкарт не забудь, — улыбнулась она.
И ушла по тропинке, а сумрак сгущался.
Я смотрел, как тоскливо вставала луна,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

Но однажды я вновь на свиданье пришел,
Я сказал ей: — Довольно шутить надо мною!

Не затем я без сна эти ночи провел,
Чтобы, сдавшись, опять примириться с судьбою.

Не хочу больше в сердце носить мою грусть,
Все ребята, наверно, смеются над нами. —
Я нашел ее губы... Рассердится? Пусть!
Но она обвила мою шею руками...

Звезды вспыхнули ярко тогда надо мной,
Я с любимой в ту ночь до рассвета прощался.
Удивленно березы шумели листвою,
А ручей все бежал по камням и смеялся...

1960

СЕРДЦЕ

Милую полюбя,
Я не играл с ней в прятки:
И сердце свое, и себя —
Все отдал ей без остатка.

Но хоть смущена была,
Недолго она колебалась:
Сердце мое взяла,
А от меня отказалась.

Видимо, лестно ей
Было, гордясь красою,
Сердце мое, как трофей,
Всюду носить с собою.

Пусть тешится! Ей невдомек,
Что тем себя и погубит.
Слишком опасен ток
В сердце, которое любит.

В холод груди ее
Тайный огонь пройдет,
Сразит ее сердце мое,
Всю, не щадя, сожжет.

Кружите, ветры, смеясь!
Твердите, что я чудак!
Но верю я — грянет час.
Но знаю я — будет так:

С глазами, полными слез,
Милую, всю в огне,
Сердце мое, как пес,
Назад приведет ко мне!

1960

СТИХИ О ГОРДОЙ КРАСОТЕ

Как нежданного счастья вестник,
Ты стоишь на пороге мая,
Будто сотканная из песни,
И загадочная, и простая.

Я избалован счастьем мало.
Вот стою и боюсь шевелиться:
Вдруг мне все это только снится,
Дунет ветер... и ты — пропала?!

Ветер дунул, промчал над садом,
Только образ твой не пропал.
Ты шагнула, ты стала рядом
И чуть слышно спросила: «Ждал?»

Ждал? Тебе ли в том сомневаться!
Только ждал я не вечер, нет.
Ждал я десять, а может статься,
Все пятнадцать иль двадцать лет.

Потому и стою, бледнея,
И взволнованный и немой.
Парк нас манит густой аллеей,
Звезды кружат над головой...

Можно скрыться, уйти от света
 К соснам, к морю, в хмельную дрожь.
 Только ты не пойдешь на это,
 И я рад, что ты не пойдешь.

Да и мне ни к чему такое,
 Хоть святым и не рвусь прослыть.
 Просто, встретив хоть раз большое,
 Сам не станешь его дробить.

Чуть доносится шум прибоя,
 Млечный Путь, как прозрачный дым...
 Мы стоим на дороге двое,
 Улыбаемся и молчим...

Пусть о грустном мы не сказали,
 Но для нас и так не секрет,
 Что для счастья мы опоздали,
 Может статься, на много лет.

Можно все разгромить напасти.
 Ради счастья — преграды в прах!
 Только будет ли счастье — счастьем,
 Коль на детских взойдет слезах?

Пусть иные сердца ракетой
 Мчатся к цели сквозь боль и ложь.
 Только ты не пойдешь на это,
 И я горд, что ты не пойдешь!

Слышу ясно в душе сегодня
 Звон победных фанфарных труб,
 Хоть ни разу тебя не обнял
 И твоих не коснулся губ.

Пусть пошутят друзья порою.
 Пусть завидуют. В добрый час!
 Я от них торжества не скрою,
 Раз уж встретилось мне такое,
 Что встречается только раз!

Ты не знаешь, какая сила
В этой гордой красе твоей!
Ты пришла, зажгла, открылила,
Снова веру в меня вселила,
Чище сделала и светлей.

Ведь бывает, дорогой длинной,
Утомленный, забыв про сон,
Сквозь осоку и шум осинный
Ты идешь под комарный звон.

Но однажды ветви раздвинешь —
И, в ободранных сапогах,
На краю поляны застынешь
В солнце, в щебете и цветах.

Пусть цветов ты не станешь рвать,
А, до самых глубин взволнованный,
Потрясенный и зачарованный,
Долго так вот будешь стоять.

И потянет к лугам, к широтам,
Прямо к солнцу... И ты шагнешь!
Но теперь не пойдешь болотом,
Ни за что уже не пойдешь!

1960

ДОВЕРЧИВЫЙ СУПРУГ

Лет с десяток замужем пробыв,
Стали вы скучны и деловиты
И все чаще, ласку отстранив,
Цедите, зевая нарочито:

— Поцелуй? Ты прости, мой свет,
Если я иронии не скрою.

Только глупо в тридцать с лишним лет
Нам влюбленным подражать порою.

Может быть, я сердцем постарела,
Только я прохладна на любовь.
В тридцать уж не те душа и тело
И не та течет, пожалуй, кровь.

А супруг? Бывают же на свете
Чудаки, наивные, как дети!
Выслушав жену, не оскорбился,
А вздохнул, поверил и смирился.

А ему хоть раз бы приглядеться,
Как для большей нежности лица
Ультракосметические средства
Пробуются в доме без конца.

А ему бы взять да разобраться,
Так ли в доме все благополучно,
Если вы с ним, прежде неразлучны,
Очень полюбили расставаться?

А ему бы взять да усомниться,
Надо ль вечно гладить по головке?
А ему хоть раз бы возвратиться
Раньше срока из командировки!

И проверить: так ли уж прохладно
Без него у милой сердце бьется?..
И увидеть... Впрочем, хватит, ладно!
Он и сам, быть может, разберется!

1960

ПЕСНЯ-ТОСТ

Парень живет на шестом этаже.
Парень с работы вернулся уже,
Курит и книгу листает.

А на четвертом — девчонка живет,
Моет окошко и песни поет,
Все понежней выбирает.

Но парень один — это парень, и все.
Девчонка одна — девчонка, и все.
Обычные, неокрыленные.
А стоит им встретиться — счастье в глазах,
А вместе они — это радость и страх,
А вместе они — влюбленные!

«Влюбленный» не слово — фанфарный сигнал,
Весеннего счастья воззвание!
Поднимем же в праздник свой первый бокал
За это красивое звание!

Месяцы пестрой цепочкой бегут,
Птицы поют, и метели метут,
А встречи все так же сердечны.
Но, как ни высок душевный накал,
Какие слова бы он ей ни шептал,
Влюбленный — ведь это не вечно!

Влюбленный — это влюбленный, и все.
Подруга его — подруга, и все.
Немало влюбленных в округе.
Когда же влюбленные рядом всегда,
Когда пополам и успех, и беда,
То это уже супруги!

«Супруги» — тут все: и влюбленности пыл,
И зрелость, и радость познания.
Мой тост — за супругов! За тех, кто вступил
Навек в это славное звание!

Время идет. И супруги, любя,
Тихо живут в основном для себя.
Но вроде не те уже взоры.
Ведь жить для себя — это годы терять,

Жить для себя — пустоцветами стать,
Все чаще вступая в раздоры.

Муж — это муж, и не больше того.
Жена есть жена, и не больше того.
Не больше того и не краше.
Но вдруг с появлением смешного птенца
Они превращаются в мать и отца,
В добрых родителей наших!

И тост наш — за свет и тепло их сердец,
С улыбкой и словом признания.
За звание «мать»! И за званье «отец»!
Два самые высшие звания!

1960

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

*Генерал-лейтенанту
Ивану Семеновичу Стрельбицкому*

Ветер, надув упругие губы,
Гудит на заре в зеленые трубы.
Он знает, что в городе и в селе
Хорошие люди живут на земле.

Идут по планете хорошие люди.
И может быть, тем уж они хороши,
Что в труд свой, как в песню, им хочется всюду
Вложить хоть частицу своей души.

На свете есть счастье — люби, открывай.
Но слышишь порой: «Разрешите заметить,
Ведь хочется в жизни хорошего встретить,
А где он, хороший! Поди угадай!»

Как узнавать их? Рецептов не знаю.
Но вспомните сами: капель, гололед...
Кружили вокруг фонарей хоровод
Снежинки. А вы торопились к трамваю.

И вдруг, поскользнувшись у поворота,
Вы больно упали, задев водосток.
Спешили прохожие мимо... Но кто-то
Бросился к вам и подняться помог.

Быстро вам что-то сказал, утешая,
К свету подвел и пальто отряхнул,
Подал вам сумку, довел до трамвая
И на прощанье рукою махнул.

Случай пустячный, конечно, и позже
В памяти вашей растаял, как снег,
Обычный прохожий... А что, если, может,
Вот это хороший и был человек?!

А помните — было однажды собрание.
То, где работника одного
Суровый докладчик подверг растерзанью,
Тысячу бед свалив на него.

И плохо б пришлось горемыке тому,
Не выступи вдруг сослуживец один —
Ни другом, ни сватом он не был ему,
Просто обыкновенший гражданин.

Но встал и сказал он: — Неладно, друзья!
Пусть многие в чем-то сейчас правы,
Но не рубить же ему головы.
Ведь он не чужой нам. И так нельзя!

Его поддержали с разных сторон.
Людей будто новый ветер коснулся.
И вот уже был человек спасен,
Подвергнут критике, но спасен
И даже робко вдруг улыбнулся.

Такой «рядовой» эпизод подчас
В памяти тает, как вешний снег.
Но разве тогда не прошел возле вас
Тот самый — хорошей души человек?!

А помните... Впрочем, не лишку ли будет?!
И сами вы, если услышите вдруг:
Мол, где они, эти хорошие люди? —
Ответьте уверенно:
Здесь они, друг!

За ними не надо по свету бродить,
Их можно увидеть, их можно открыть
В чужих или в тех, что знакомы нам с детства,
Когда вдруг попристальней к ним приглядеться,
Когда вдруг самим повнимательней быть.

Живут на планете хорошие люди,
Красивые в скромности строгой своей.
Привет вам сердечный, хорошие люди!
Большого вам счастья, хорошие люди!
Я верю: в грядущем Земля наша будет
Планетою только хороших людей.

1961

РАЗРЫВ

Битвы словесной стихла гроза.
Полные гнева, супруг и супруга
Молча стояли друг против друга,
Сузив от ненависти глаза.

Все корабли за собою сожгли,
Вспомнили все, что было плохого.
Каждый поступок и каждое слово —
Все, не щадя, на свет извлекли.

Годы их дружбы, сердец их биенье —
Все перечеркнуто без сожаленья.
Часто на свете так получается:
В ссоре хорошее забывается.

Тихо. Обоим уже не до споров.
Каждый умолк, губу закусив.

Нынче не просто домашняя ссора,
Нынче конец отношений. Разрыв.

Все, что решить надлежало, решили.
Все, что раздела ждало, разделили.
Только в одном не смогли согласиться,
Это одно не могло разделиться.

Там, за стеною, в ребячьем углу,
Сын их трудился, сопя, на полу.
Кубик на кубик. Готово! Конец!
Пестрый, как сказка, вырос дворец.

— Милый! — подавленными голосами
Молвили оба. — Мы вот что хотим... —
Сын повернулся к папе и маме
И улыбнулся приветливо им.

— Мы расстаемся... совсем... окончательно...
Так нужно, так лучше... И надо решить.
Ты не пугайся. Слушай внимательно:
С мамой иль с папой будешь ты жить?

Смотрит мальчишка на них встревоженно.
Оба взволнованы... Шутят иль нет?
Палец в рот положил настороженно.
— И с мамой, и с папой, — сказал он в ответ.

— Нет, ты не понял! — И сложный вопрос
Каждый ему втолковать спешит.
Но сын уже морщит облупленный нос
И подозрительно губы кривит...

Упрямо сердце мальчишечье билось,
Взрослых не в силах понять до конца.
Не выбирало и не делилось.
Никак не делилось на мать и отца!

Мальчишка! Как ни внушали ему,
Он мокрые щеки лишь тер кулаками,

Никак не умея понять: почему
Так лучше ему, папе и маме?

В любви излишен всегда совет.
Трудно в чужих делах разбираться.
Пусть каждый решает, любить или нет,
И где сходитья, и где расставаться.

И все же порой в сумятице дел,
В ссоре иль в острой сердечной драме
Прошу только вспомнить, увидеть глазами
Мальчишку, что драмы понять не сумел
И только щеки тер кулаками.

1961

ПОПУТЧИЦА

— Мой муж бухгалтер, скромный, тихий малый,
Заботлив, добр, и мне неплохо с ним.
Но все-таки когда-то я мечтала,
Что мой избранник будет не таким.

Он виделся мне рослым и плечистым,
Уверенно идущим по земле.
Поэтом, музыкантом иль артистом,
С печатью вдохновенья на челе.

Нет, вы не улыбайтесь! Я серьезно.
Мне чудился громадный, светлый зал
И шум оваций, яростно и грозно
К его ногам катящийся, как вал.

Или вот так: скворцы, веранда, лето.
Я поливаю клумбу с резедой,
А он творит. И сквозь окно порой
Нет-нет и спросит у меня совета.

Вагон дремал под ровный стук колес...
Соседка, чиркнув спичкой, закурила.
Но пламени почти не видно было
При пламенной косметике волос.

Одета ярко и не слишком скромно,
Хорошенькое круглое лицо,
В ушах подвески, на руке кольцо,
Вишневый рот и взгляд капризно-томный.

Плывет закат вдоль скошенного луга,
Чай проводник разносит не спеша,
А дама все описывает друга,
Которого ждала ее душа.

Чего здесь только нет: талант, и верность,
И гордый профиль, и пушистый ус,
И мужество, и преданность, и нежность,
И тонкий ум, и благородный вкус...

Я промолчал. Слова нужны едва ли?!
И все ж хотелось молвить ей сейчас:
«Имей он все, о чем вы тут сказали,
Он, может быть, и выбрал бы не вас».

1961

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Резкий звон ворвался в полутьму,
И она шагнула к телефону,
К частому, настойчивому звону.
Знала, кто звонит и почему.

На мгновенье стала у стола,
Быстро и взволнованно вздохнула,
Но руки вперед не протянула,
И ладонь на трубку не легла.

А чего бы проще: взять и снять
И, не мучась и не тратя силы,
Вновь знакомый голос услышать
И опять оставить все, как было.

Только разве тайна, что тогда
 Возвратятся все ее сомненья.
 Снова и обман, и униженья —
 Все, с чем не смириться никогда!

Звон кружил, дрожал, не умолкая,
 А она стояла у окна,
 Всей душою, может, понимая,
 Что менять решенья не должна.

Все упрямей телефон звонил,
 Но в ответ — ни звука, ни движенья.
 Вечер этот необычным был,
 Этот вечер — смотр душевных сил,
 Аттестат на самоуваженье.

Взвыл и смолк бессильно телефон.
 Стало тихо. Где-то пели стройно...
 Дверь раскрыла, вышла на балкон.
 В первый раз дышалось ей спокойно.

1961

АПРЕЛЬ

Москва. Апрель. Воскресный день.
 Край облака рассветно-розов...
 Природе, видно, вновь не лень
 Конфузить Институт прогнозов.

Грозы и ветра нет в помине,
 По скверам прыгают грачи,
 Ошибся институт... Но ныне
 Ему прощают москвичи.

И мы прощаем: я и Вера.
 В пожатые рук — горячий ток...
 И нас несет людской поток
 Вдоль набережной, мимо сквера.

Весна зеленой веткой машет,
Ручьем бежит, поет скворцом...
Нам весело — ведь мы вдвоем!
Все ближе, ближе губы наши.

Минута — и они сольются
Днем на глазах у всей Москвы...
Стоп! Не теряйте головы —
Ведь люди рядом засмеются.

Вдруг, яркой мыслью озаренный,
Увидев впереди вокзал,
Я улыбнулся и сказал:
— Хитер на выдумку влюбленный!

Вдоль шумно-пестрого перрона
Стоит экспресс «Москва — Чита».
Смех, слезы, говор, теснота...
Идет прощанье у вагонов.

— Прощай, Степан, счастливый путь!
— Марго, привет горячий Зине!
— Андрюша, детка, не забудь,
Тут сыр, а курочка в корзине.

Я в девичьи глаза смотрю —
Не рассказать, как их люблю я.
— Пиши! — я громко говорю
И нежно милую целую.

В толпе мы — как в глуши дубрав.
До нас тут никому нет дела.
Но вот свисток... Рванул состав —
И вмиг платформа опустела.

Как быть? Куда теперь идти?
Нашел! И я шепчу подруге:
— Бежим! К четвертому пути
Подходит скорый из Калуги.

ДОРОЖНАЯ ВСТРЕЧА

Было нас трое в купе одном:
Моряк, богатырски храпевший над нами,
И мы — это я и волгарь-агроном,
Плечистый, с застенчивыми глазами.

Мы с ним толковали о ржи и о гречке.
И я, немного в том смысла порой,
Нет-нет да и важно вставлял словечко, —
Знай наших, хоть я, мол, и городской!

До книг, до стихов добрались мы потом.
Но он не смотрел мне восторженно в рот,
А стал вдруг цитировать стих за стихом, —
Знай тоже, мол, наших, хоть я — полевод!

Ложились мы в первом часу, вероятно.
И тут, отвернувшись на миг, из блокнота
Он вынул потертое женское фото,
Взглянул, улыбнулся и спрятал обратно.

— Так, так! — прогудел вдруг раскатистый бас.
Проснулся моряк, усмехнулся, зевая. —
Красавицу прячете? Молодая?
Женаты, конечно? По опыту знаю,
Проведает женка — ох, перцу ж и даст!

Слегка растерявшись, тот выключил свет.
С минуту иль две была тишина.
Потом он ответил: — А тайны и нет.
Это жена. Вы не смейтесь, сосед.
Честное слово, это жена.

— Простите, — моряк пробасил смущенно.
— Понятно. Бывал в положение таком.
Счастливое время... Молодожены..
— Да нет, мы двенадцатый год живем.

И чувствуя, видно, как подняли брови
Оба соседа, он в тишине

Стал говорить вдруг просто, с любовью,
С любовью... о собственной о жене.

Как встретил в клубе ее впервые,
Как в первый раз сказал ей: «Жена...»,
Какие глаза у нее озорные
И как хорошо смеется она.

— Немного капризная, правда, бедовая,
Балую тоже и сам порой,
Орехи очень любит кедровые,
Чуть не мешок вот везу домой.

Был на Урале в командировке,
Две недели дано мне было.
А я в полторы достал сортiroвки... —
Моряк улыбнулся: — И снова к милой?

Мы с флотским шутили, острили зубато,
Но было нам вроде неловко немного.
Ну так, словно были мы в чем виноваты
Пред теми, с кем нас разлучила дорога.

Он вышел в Бекетовке. Снова мрак
Гудел от вагонной дрожи.
— Хороший парень, — сказал моряк, —
Душевный парень, и все же...

Таких, к сожаленью, жены порой
Не очень-то любят и ценят не очень.
Зря раньше срока он едет домой.
Всякое может застать, между прочим...

Он выкурил трубку и вновь — храпака.
Бывалому всюду родная каюта!
А мне не спалось. От слов моряка
Стало грустно вдруг почему-то.

И впрямь не слишком ли часто бывает,
Что многие странно живут порой:

На чувства холодом отвечают,
На холод — нежностью и тоской?

Не знаю, как будет попутчик наш встречен,
Не ведаю, что у него за жена,
Но мне захотелось вдруг в этот вечер
Сказать, чтоб смогла услышать она:

— Послушайте, незнакомка далекая!
Не знаю: хорошая вы или скверная,
Сердечная, добрая или жестокая,
Но то, что любимая, — знаю наверное!

Поймите: в вагоне, соседям на час
Обычно не лгут никогда. Зачем?
Вас любят! А это один только раз
Встречается людям, и то не всем!

Поэтому, если вы любите тоже,
Привет вам сердечный!.. Но если вдруг
Сосед мой недаром меня встревожил
И встретится с болью ваш лучший друг,

Стойте тогда! Удержитесь от взгляда,
От тайных улыбок и тайных встреч!
Поймите: любовь не оплевывать надо,
А либо отвергнуть, либо беречь!..

Прислушался: ровно сосед мой дышит.
Он рядом — и то услышать не мог.
А до нее километры дорог...
Все верно. И все-таки вдруг услышит?!

1961

ТВОЙ ПОДАРОК

День рожденья я с раннего детства любил.
За сюрприз посредине стола,
И за то, что я в школу в тот день не ходил,
И за торт, что мне мама пекла.

Были трудными годы, подарки — скромны,
Но был счастлив я, шашку беря.
И казалось на сутки возвратом весны
Мне седьмое число сентября.

Шашка — радость. Воздушен кусок пирога.
Только в этом ли главное было?!
— Тут не дорог подарок — любовь дорога, —
Мне с улыбкою мать говорила.

Эту старую мудрость постиг я вполне
Много позже, когда подо Мгою
День рожденья, меня отыскав на войне,
В блиндаже повстречался со мною.

Мы сквозь ливень пришли после боя назад,
Печь, треща, разливала жару,
Пар клубился над мокрой одеждой солдат,
Как туман над рекой поутру.

И когда нам вино старшина отмерял
Строго — Боже спаси просчитаться! —
Писарь, роясь в каких-то бумагах, сказал:
— А у нас новорожденный, братцы!

Пусть в далекие дали ушел этот день,
Но и ныне он в памяти ярок.
Все богатство солдата — шинель да ремень,
Где солдат раздобудет подарок?

Но сквозь дальние годы я вижу блиндаж
И на ящике из-под снаряда —
Десять кружек.
— Бери, брат наводчик, уважь!
Чем богаты, тем, значит, и рады!

Кружки были под стать продубленным бойцам,
В метках ссадин, просты, грубоваты,
В каждой ровно сто грамм, фронтовые сто грамм,
Что дают после боя солдату.

Неужели я счастье схватил за рога?
И впервые сказать не пришлось,
Что не дорог подарок — любовь дорога,
Если все воедино слилось!

Только знаешь, сейчас говорить о любви
Я не в силах простыми словами.
Хочешь, чуть старомодным меня назови
И блесни, улыбаясь, глазами.

Но за дар, за надежды, что стали близки,
За минуты высокие эти
Я, как в храме, касаюсь губами руки,
Самой щедрой и нежной на свете!

1961

ЗВЕЗДЫ СЛУЖАТ ВЛЮБЛЕННЫМ

Реки служат судам,
Травы служат стадам,
Рельсы — гулким колесам вагонным.
Птицы служат садам,
Маяки — морякам,
Звезды служат влюбленным.

Льют созвездья на землю таинственный свет,
Но ни трасс, ни путей к ним космических нет,
К ним, всегда добела раскаленным.
Космодром для ракет —
Лишь прохлада планет.
Звезды ж светят одним влюбленным.

Говорят, что влюбленный — это чудак.
Внешне, может, и так, но по сути не так.
Просто он изнутри озаренный.
Не косись на него с недоверьем, профком,
Кто рекорды дает и живет с огоньком?
Да, конечно же, он, влюбленный!

Кто влюблен — тот не ищет покойных путей,
Рвется к ветру и к звездам с любимой своей,
Всей земной красотой окрыленный.
«Жить с романтикой!» — это влюбленных закон,
Ну а кто не романтик, то попросту он
Вообще никакой не влюбленный.

Майский вечер затих в синеве тополей,
И гирлянды мигающих дальних огней
Над широким зажглись небосклоном.
Это так хорошо, что составы бегут,
Что на свете есть счастье, что птицы поют
И что звезды горят влюбленным!..

1962

ОБИДНАЯ ЛЮБОВЬ

Пробило десять. В доме — тишина.
Она сидит и напряженно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!

Пусть вечер люстру звездную включил,
Не так уж поздно, день еще не прожит.
Не может быть, чтоб он не позвонил!
Чтобы не вспомнил — быть того не может!

«Конечно же, он рвался, и не раз,
Но масса дел: то это, то другое...
Зато он здесь и сердцем и душой».
К чему она хитрит перед собою
И для чего так лжет себе сейчас?

Ведь жизнь ее уже немало дней
Течет отнюдь не речкой Серебрянкой:
Ее любимый постоянно с ней —
Как хан Гирей с безвольной полонянкой.

Случалось, он под рюмку умилялся
Ее душой: «Так преданна всегда!»
Но что в душе той — радость или беда?
Об этом он не ведал никогда,
Да и узнать ни разу не пытался.

Хвастлив или груб он, трезв или хмелен,
В ответ — ни возражения, ни вздоха.
Прав только он, и только он умен,
Она же лишь «чудачка» и «дуреха».

И ей ли уж не знать о том, что он
Ни в чем и никогда с ней не считался,
Сто раз ее бросал и возвращался,
Сто раз ей лгал и был всегда прощен.

В часы невзгод твердили ей друзья:
— Да с ним пора давным-давно расстаться.
Будь гордою. Довольно унижаться!
Сама пойми: ведь дальше так нельзя!

Она кивала, плакала порой.
И вдруг смотрела жалобно на всех:
— Но я люблю... Ужасно... Как на грех!..
И он уж все же не такой плохой!

Тут было бесполезно препираться,
И шла она в свой добровольный плен,
Чтоб вновь служить, чтоб снова унижаться
И ничего не требовать взамен.

Пробило полночь. В доме тишина...
Она сидит и неотступно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит? А вдруг еще придет?

Любовь приносит радость на порог.
С ней легче верить, и мечтать, и жить.
Но уж не дай, как говорится, Бог
Вот так любить!

1962

* * *

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Ты романтик. Прямо на звезду
Проложу я серебристый след.
Для тебя я в летчики пойду.
Ну скажи: ты рада или нет?

Хочешь, смело в космос полечу?
— Не хочу.

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Здесь дождя холодная стена.
А на юге солнечный закат...
В берег бьет зеленая волна,
Расцветают персик и гранат.

Хочешь, на Кавказ тебя умчу?
— Не хочу!

Ты грустишь и, косу теребя,
Молча смотришь в сумрак за окном...
Чем же мне порадовать тебя?
Как зажечь глаза твои огнем?

Не сердись, додумаюсь, пойму.
Может, и отыщется струна.
Может, в космос мчатся ни к чему
И волна морская не нужна?

Хочешь стать моею навсегда?
— Да!..

1962

ДЕВУШКА

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выцветших кос,
Глаз небольших синева без огней.
Где же «червонное пламя волос»?
Где «две бездонные глуби морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... Но гляньте сюда:
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней подшутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету.
Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

1962

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Мы в дальней разлуке. Сейчас между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,
Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну потянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой.

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,
Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое — возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет словами глухими,
Что смерть недопетую песнь прервала
И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...
Утрата, ее ни понять, ни измерить!
Нелепо! И все-таки можешь поверить:
Бессмертны лишь скалы, а я — человек!

Но если услышишь, что вешней порой
За новым, за призрачным счастьем в погоне

Я сердце свое не тебе, а другой
Взволнованно вдруг протянул на ладони, —

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут ресницы,
Колючею стужей не стиснет беда!
Не верь! Вот такого не может случиться!
Ты слышишь? Такому не быть никогда!

1962

ОДНА

К ней всюду относились с уважением, —
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась без сожаленья:
Был рядом муж — и вот она одна...

Бежали будни ровной чередою.
И те ж друзья, и уваженье то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь.

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь — почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет.
Скажи, какую сберегает честь!

Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть...

И было непонятно никому,
Что и одна — она верна ему!

1962

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Мама дочь ругает строго
За ночное возвращенье.
Дочь зарделась у порога
От обиды и смущенья.

А слова звучат такие,
Что пощечин тяжелей.
Оскорбительные, злые,
Хуже яростных шмелей.

Друг за другом мчат вдогонку,
Жгут, пронзают, как свинец...
Но за что клянут девчонку?!
В чем же дело, наконец?

Так ли страшно опозданье,
Если в звоне вешних струй
Было первое свиданье,
Первый в жизни поцелуй!

Если счастье не из книжки,
Если нынче где-то там
Бродит он, ее парнишка,
Улыбаясь звездным вспышкам,
Людям, окнам, фонарям...

Если нежность их созрела,
Школьным догмам вопреки.

Поцелуй — он был несмелым,
По-мальчишьи неумелым,
Но упрямым по-мужски.

Шли то медленно, то быстро,
Что-то пели без конца...
И стучали чисто-чисто,
Близко-близко их сердца.

Так зачем худое слово?
Для чего нападок гром?
Разве вправду эти двое
Что-то делают дурное?
Где ж там грех? Откуда? В чем?

И чем дочь громить словами,
Распаляясь, как в бою,
Лучше б просто вспомнить маме
Сад с ночными соловьями,
С песней, с робкими губами —
Юность давнюю свою.

Как была счастливой тоже,
Как любила и ждала,
И тогда отнюдь не строже,
Даже чуточку моложе
Мама дочери была.

А ведь вышло разве скверно?
До сих пор не вянет цвет!
Значит, суть не в том, наверно:
Где была? Да сколько лет?

Суть не в разных поколениях,
Деготь может быть везде.
Суть здесь в чистых отношеньях,
В настоящей красоте!

Мама, добрая, послушай:
Ну зачем сейчас гроза?!

Ты взгляни девчонке в душу,
Посмотри в ее глаза.

Улыбнись и верь заране
В золотинки вешних струй,
В это первое свиданье,
В первый в жизни поцелуй!

1962

ПЫЛКАЯ ДУША

(Шутка)

Женщина в силоновой пижаме
Медленно захлопнула роман.
Хрустнула холеными руками
И замороженными глазами
Посмотрела в сумрачный туман.

Муж чертил, сутулясь у стола,
А она под тихий шум метели
Вновь, листая том, произнесла:
— Вот ведь люди как любить умели!

Ради милых уходили в бой,
Ревновали, мучились, рыдали,
Шли на плаху, жертвуя собой,
Даже разум от любви теряли.

Скажешь, я не труженица? Пусть!
Но хочу и я, чтоб жгучий бред,
Чтобы муки, чтоб мольба и грусть!
Женщина я все же или нет?!

И не хмурь, пожалуйста, бровей!
С каждым днем в тебе все больше прозы.
Что ты знаешь про огонь страстей,
Про мольбу, страдания и слезы?

Что могу я вспомнить из прошедшего?
Где тот яркий взрыв в моей судьбе?
Что ты сделал в жизни сумасшедшего?
— То, что я женился на тебе...

1962

СТИХИ ОБ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Он так любовь свою берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Он ей зимой коньки точил,
Для книжек сделал полку,
Все чертежи ее чертил
И тайно в паспорте хранил
Зеленую заколку.

Она смеялась — он светлел.
Грустила — он темнел.
И кто сказал, что будто нет
Любви в шестнадцать лет?!

К тому, что будет впереди,
Навстречу всей вселенной
Бежали рядом два пути,
Сближаясь постепенно.

Робея под лучами глаз,
Не смея губ коснуться,
Он не спешил: настанет час,
Когда пути сольются.

Когда придут взамен тревог
Слова «люблю» и «да»
И над скрещеньем двух дорог
Не робкий вспыхнет огонек,
А жаркая звезда.

И жизнь была бы хороша,
Презрей он ту «услугу».
Но раз не вынесла душа,
И он, волнуясь и спеша,
Во всем открылся другу.

Тот старше был и больше знал
И тем слегка гордился.
— Ты просто баба, — он сказал, —
Как маленький, влюбился!

Любовь не стоит ни гроша,
Коль сердце только тает.
Запомни: женская душа
Несмелых презирает!

Она ж смеется над тобой
Почти наверняка.
Да где характер твой мужской
И твердая рука?!

Потребуй все. Не отступай!
Смелей иди вперед!
Она — твоя! Не трусь и знай:
Кто любит — не уйдет!

И чтоб в любви не знать обид,
Запомни навсегда:
Что грубость девушка простит,
А глупость никогда!

Весенний ветер ли подул,
Коварен и лукав,
Иль друга речь, иль крови гул,
Но парень, выслушав, кивнул:
— Возможно, ты и прав...

Звенела ночь, луна плыла,
Как ворон, мгла кружила,
И хоть растеряна была,

Она и вправду не ушла,
Наверное, любила.

Гремели зори у реки
Кантатами скворцов,
И мчались дни, как огоньки,
Как стрелы поездов.

Теперь волнениям конец!
Победа и покой!
Но почему же стук сердец
Подавленный такой?

Он так любимую берег,
Как берегут цветы.
И так смущался, что не мог
Сказать ей даже «ты».

Но друг явился и «помог».
И он сумел, он вырвать смог
Растерянное «да»...
Так почему ж в конце пути,
Куда он должен был прийти,
Не вспыхнула звезда?!

Тебе б смеяться поутру,
А ты весь будто сварен.
Зачем стоишь ты на ветру?
О чем ты плачешь, парень?

Эх, снять бы голову ему —
Скотине, другу твоему!

1962

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Знакомя, друг сказал мне сокровенно:
— Рекомендую: Коля. Пианист.
Прекрасный парень и душою чист,
И ты его полюбишь непременно!

«Прекрасный парень» в меру был живой,
Сел за рояль, Прокофьева сыграл,
Смеялся шуткам, подымал бокал,
Потом простился и ушел домой.

Ушел и канул в темноту и снег...
И я спросил у друга своего:
— Вот ты прекрасным называл его.
А чем прекрасен этот человек?

С минуту друг растерянно молчал.
Ходил, курил и молвил наконец:
— Он никому вреда не причинял,
Не лицемер, не склочник, не подлец...

И вновь спросил я друга своего:
— А доброго он людям сделал много? —
Мой друг вздохнул: — Да вроде ничего.
И все-таки он неплохой, ей-богу!

И тут мелькнуло: а не так ли я
Хвалю порой того, кто не подлец?
Но сколько рядом истинных сердец?
И все ль друзья действительно друзья?

Не прямодушен — ладно, ничего!
Не сделал зла — приветствуем его.
Мог утащить, а он не утащил
И чуть ли уж не подвиг совершил.

Иль, скажем, парень в девушку влюбился,
Жениться обещал. И под конец
Не оскорбил, не бросил, а женился —
И вот уже герой и молодец!

А то вдруг вам как на голову снег
Свалилось горе. Друг о том проведал.
Он мог добить, предать, но он не предал.
Нет, не помог ничем, а лишь не предал —
И вот уж он «прекрасный человек».

Смешно, но факт: мы, будто с ценной ношей,
Со странной меркой носимся порой:
«Прекрасный» — лишь за то, что не плохой,
А не за то, что истинно хороший!

Так не пора ль действительно начать
С других позиций доблести считать?

1963

ТАЕЖНЫЙ РОДНИК

Мчится родник среди гула таежного,
Бойкий, серебряный и тугой.
Бежит возле лагеря молодежного
И все, что услышит, несет с собой.

А слышит он всякое, разное слышит:
И мошек, и травы, и птиц, и людей,
И кто что поет, чем живет и чем дышит, —
И все это пишет, и все это пишет
На тонких бороздках струи своей.

Эх, если б хоть час мне в моей судьбе
Волшебный! Такой, чтоб родник этот звонкий
Скатать бы в рулон, как магнитную пленку,
И бандеролью послать тебе.

Послать, ничего не сказав заранее.
И вот, когда в доме твоём — никого,
Будешь ты слушать мое послание,
Еще не ведая ничего.

И вдруг — будто разом спадет завеса:
Послышится шишки упавшей звук,
Трещанье кузнечика, говор леса
Да дятла-трудяги веселый стук.

Вот шутки и громкие чьи-то споры,
Вот грохот ведерка и треск костра,

Вот звук поцелуя, вот песни хором,
Вот посвист иволги до утра.

Кружатся диски, бегут года.
Но вот, где-то в самом конце рулона,
Возникнут два голоса окрыленных,
Где каждая фраза — то «нет», то «да».

Ты встала, поправила нервно волосы,
О дрогнувший стул оперлась рукой,
Да, ты узнала два этих голоса,
Два радостных голоса: твой и мой!

Вот они рядом, звенят и льются,
Они заполняют собой весь дом!
И так они славно сейчас смеются,
Как нам не смеяться уже потом...

Но слушай, такого же не забудешь,
Сейчас, после паузы, голос мой
Вдруг шепотом спросит: — Скажи, ты любишь?
А твой засмеется: — Пусти, задушишь!
Да я, хоть гони, навсегда с тобой!

Где вы — хорошие те слова?
И где таежная та дорожка?
Я вижу сейчас, как твоя голова
Тихо прижалась к стеклу окошка.

И стало в уютной твоей квартире
Вдруг зябко и пусто, как никогда.
А голоса, сквозь ветра и года,
Звенят, как укор, все светлей и шире...

Прости, если нынче в душе твоей
Вызвал я отзвук поры тревожной.
Не плачь! Это только гремит ручей
Из дальней-предальной глуши таежной.

А юность, она и на полчаса —
Зови не зови — не вернется снова.
Лишь вечно звенят и звенят голоса
В немолчной воде родника лесного.

1963

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Май. Беспокойство. Звезд толчея...
Луна скользит по плотине...
А рядом на бревнышке друг мой и я
И наша «Беда» посредине.

Носила «Беда» золотой пучок,
Имела шарфик нарядный,
Вздернутый носик и язычок,
Хитрый и беспощадный.

Она улыбнулась мне. Я просиял,
Пригнул ей облачко вишни.
Друг мой нахмурился, встал и сказал:
— Я, кажется, третий лишний.

Но девушка вспыхнула: — Нет, постой!
Сам не решай задачи.
Да, может, я сердцем как раз с тобой.
Ишь ты, какой горячий!

Снова сидим. От ствола до ствола
Тени легли несмело...
Девушка с ветки цветок сорвала
И другу в петличку вдела.

Тот, улыбнувшись, губами взял
Белый бутончик вишни.
Довольно! Я кашлянул, хмуρο встал.
— Пожалуй, я третий лишний!

Она рассмеялась: — Вскипел, чудак!
 Даже мороз по коже.
 А может, я это нарочно так
 И ты мне в сто раз дороже?!

Поймите, братцы: гремит река,
 Кипят жасмин, облепиха,
 Метет сиреневая пурга...
 В природе и в сердце моем пока
 Просто неразбериха!

А вот перестанет весна бурлить,
 И будет мне звезды слышно,
 Они помогут душе решить
 Кто лишний, а кто не лишний!

И дни летели, как горький дым.
 Ночи — одна бессонница.
 Она все шутит, а мы молчим
 И все не знаем, с другом моим,
 Дружить нам или поссориться.

Но вот отшумела в садах весна.
 Хватит. Конец недугам!
 Третьим лишним была — она!..
 Так мы решили с другом.

1963

ЗА СЧАСТЬЕМ!

У них в ушах горячий звон.
 У ног лежит луна.
 Парнишка по уши влюблен.
 По маковку она.

Шуршит, кружа под фонарем,
 Осенний листопад.
 Он вдруг сказал: — Давай пойдем,
 Куда глаза глядят!

И как огнем подождена
Волнением его:
— Идем! — ответила она. —
До счастья самого.

И вот влюбленные в пути.
Костром горит восход.
Их где-то счастье впереди
Неведомое ждет!

И долго время их вело
По магистралям гулким.
А счастье, просто как назло,
Все время дома их ждало,
В родимом переулке...

1963

О БРАНИ

Это будут стихи не о том,
Что взволнованно в душу просится.
А совсем о другом, о таком,
И писать-то о чем не хочется.

Но молчанием зла не пресечь.
И без длительных предисловий
Скажем коротко: эта речь,
Уж простите, о сквернословии.

Существует оно давно,
Злое, грубое, озорное.
И отнюдь не секрет, что оно
Где-то в древности рождено
Горем, пьянством и все такое.

Почему же теперь, когда
Человек, оседлав надежды,
Сел в могучие поезда,

Взмыл на спутнике, как звезда,
Сквернословье живет, как прежде?

Да еще обрело сейчас
И такие, увы, тенденции:
Отходя от народных масс,
Зреет в сферах интеллигенции.

Видно, ругань, ее того:
От пропойцы услышать тошно,
А с ученостью ничего,
При высокой культуре — можно!

В общем, чуть ли не высший шик:
Как узор на дорожке скатертной,
Как второй иностранный язык,
Скажем, русский, французский и матерный!

Вот друзья домой возвращаются,
Обсуждая премьеру драмы.
О, как звучно они выражаются!
И всех чаще упоминается
Незабвенное имя мамы.

Человек, даже очень важный,
Верх учености и культуры,
Так вдруг брякнет многоэтажно,
Что такой в чертежах бумажных
Не бывало архитектуры...

Раньше в семьях, смиряя плач,
Говорили: — Пьет, как сапожник! —
Скоро скажут: — Он пьет, как врач!
Он ругается, как художник!

Все найдешь в языке богатом:
Юмор, нежность и гневный меч.
Так зачем же чугунным матом
Уснащать человечью речь?

Говорят, в технический век
Человек — это мысль и дерзание.
Значит, должен такому званию
Соответствовать человек!

1963

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, МЕЧТАТЕЛИ

Мещанин и обыватель
Про него бубнит весь век:
— Фантазер, пустой мечтатель,
Несерьезный человек!

Что ж, мечтам отнюдь не ново
Натыкаться на вражду:
С давних пор косятся совы
На сверкнувшую звезду.

И еще до книжной грамоты
У пещеры, среди скал,
Пращур наш, свежюя мамонта,
На товарища ворчал:

— До чего ведь люди странные,
Есть жилье и сыт, так нет —
Про пещеры деревянные
Стал выдумывать сосед.

Чтоб в мороз не знать кручины —
Посреди костер с трубой
Да «нетающие льдины»
Вставить в стены. Ну, герой!

— Не свихни мозгов, приятель! —
Так бурчал сосед один —
Первый древний обыватель
И пещерный мещанин.

Шли века, старели горы,
Высыхали сотни рек,
Но, как встарь, глядит с укором
Мещанин на фантазера:
— Несерьезный человек!

«Несерьезный»? А читает
Про луну и про сирень.
«Несерьезный»? А включает
Телевизор каждый день.

Эх вы, совы-порицатели!
Души, спящие во мгле!
Да когда бы не мечтатели,
Что бы было на земле?!

Вы бы вечно прозябали
Без морей и островов,
В самолетах не летали,
Не читали бы стихов.

Не слышали б, как роняет
Май росинку в тишине,
Не видали б, как сверкает
Спутник в темной вышине.

Что б вы там ни говорили,
Но, наверное, без них
Вы бы до сих пор ходили
В шкурах пращуров своих!

А мечта, она крылата,
А мечта, она живет!
И пускай ее когда-то
Кто-то хмурый не поймет!

Пусть тот лондонский писатель,
Встретив стужу да свечу,
Произнес потом: «Мечтатель!»,
Не поверив Ильичу.

Пусть бормочут, пусть мрачнеют,
Выдыхаясь от хулы.
Все равно мечта умнее,
Все равно мечта сильнее,
Как огонь сильнее мглы!

Но брюзги не умолкают:
— Ведь не все горят огнем!
Есть такие, что мечтают
И о личном, о своем!

О, назойливые судьи,
Что за грех в такой мечте?!
Ведь о чем мечтают люди?
Не о горе, не о худе,
А стремятся к красоте!

Приглядитесь же внимательно:
Сколько светлого подчас
В тех улыбках обаятельных
И в мечтательности глаз!

Сад с рекой перекликаются,
Звезды кружатся во мгле,
Песни в ветре зарождаются,
Сказки бродят по земле...

Мой привет вам, открыватели
Всех сокровищниц планеты!
Будьте счастливы, мечтатели,
Беспокойные искатели,
Фантазеры и поэты!

1963

СТРОГИЕ СТОРОЖА

В сто раз красноречивее речей,
Пожалуй, были и сердца, и руки,
Когда мы, сидя в комнате твоей,
Старались грызть гранит сухой науки.

Мигал тысячеглазый небосвод,
 Чернел рояль торжественно и хмуро,
 И маленький зеленый Дон Кихот
 По-дружески кивал нам с абажура...

К плечу плечо... Мы чуть не пели даже!
 В груди у нас гремели соловьи!
 Но стерегли нас бдительные стражи —
 Неспящие родители твои.

Сначала мать — улыбка и вниманье —
 Входила вдруг, как будто невзначай,
 То взять с окна забытое вязанье,
 То в сотый раз нам предлагая чай.

Потом отец в пижаме из сатина,
 Пришуриль хитроватые зрачки,
 Здесь, неизвестно по какой причине,
 Всегда искал то книгу, то очки.

Следя за всем в четыре строгих глаза,
 В четыре уха слушали они,
 Чтоб не было какой ненужной фразы
 Иль поцелуя, Боже сохрани!

Так день за днем недремлющие судьи
 Нас охраняли от возможных бед.
 Как будто мы не молодые люди,
 А малыши одиннадцати лет!

Им верилось, что трепетное пламя
 Притушит ветер хитроумных мер,
 И что на всякий случай между нами
 Пускай незримо высится барьер.

Удар часов за стенкой возвещал,
 Что как-никак, а расставаться надо!
 И вот я вниз по лестнице бежал
 Под тем же строго неусыпным взглядом.

И, заперев владение свое,
Они, вздохнув, спокойно засыпали,
Уверенные в том, что знают все,
Хоть, между прочим, ничего не знали!

1964

НЕНУЖНЫЕ СПОРЫ

Двое ссорились, даже кричали,
Потом устали в конце концов.
Сердито затихли. И так молчали.
Наверно, не меньше пяти часов.

А где-то в это время смеялись,
Ходили в кино и читали стихи,
Работали, пели, мечтали, влюблялись,
Смотрели спектакль, напряженно-тихи.

Где-то дома к небесам возводили,
Играли в теннис, ловили бычков —
Короче, дышали! Короче, жили!
А здесь будто склеп: ни улыбок, ни слов...

И вряд ли обоим сейчас понятно,
Что эти часы, как бессмысленный бег,
Для них потеряны безвозвратно,
Из жизни вычеркнуты навек!

Наука на все ответы находит.
Она утверждает: — Имейте в виду,
Полчеловеческой жизни уходит
На сон, на транспорт и на еду.

А чем порой эта жизнь полна?
И много ль отпущено нам от века?
Ведь если подумать, то жизнь человека
Не так уж и слишком, увы, длинна...

Какой же статистик за нас учтет
 Время, ушедшее на раздоры,
 На злые слова, на обиды, на споры?
 А жизнь ведь не поезд, она не ждет.

Конечно, можно хитрить, улыбаться:
 «Подумаешь, важный какой разговор!»
 А если по совести разобраться,
 Сколько на свете ненужных ссор!

Поссорились, вспыхнули, побледнели...
 Только б не сдаться! Не уступить!
 А это ведь дни, а это недели
 И, может быть, годы, коль все сложить.

И хочется мне постучать, обратиться
 В тысячи окон, в сотни квартир:
 — Кто в ссоре, прошу вас, идите мириться!
 Милые люди! Давайте учиться
 В собственном доме бороться за мир!

1964

СОВЕТЧИКИ

Я в мире жил любя и не любя,
 Без радостей особых и напасти,
 Пока не встретил наконец тебя,
 Пока не понял, что такое счастье.

Моих друзей хватает мне вполне.
 Я всех и перечислить не берусь.
 — Ты молодец! — одни сказали мне. —
 Отличный выбор! Превосходный вкус!

Твоя любовь и вправду хороша!
 Тут все забудешь с первого же взгляда.
 В глазах ну так и светится душа.
 А уж фигура — лучше и не надо!

Слова других сжигали, как огни.
В них были и печаль, и состраданье.
— Ты извини, — сказали мне они, —
Но у тебя не вкус, а наказание!

Подумай сам: надменная натура,
Холодный взгляд, характер — никуда!
Курносый нос, нескладная фигура,
И плюс до неприличия — худа!

А третьи по-нейтральному молчали,
Загадочно кивали головой,
Уклончиво плечами пожимали:
Мол, вкус твой и плохой и неплохой...

Нет, я отнюдь в решениях не трус!
Но тут как душ, то жаркий, то холодный.
Любить тебя — хороший это вкус?
Или, напротив, никуда не годный?!

И только ветер в кленах молодых
Мне бойко крикнул: «Выбрось все сомненья!
Пошли к чертям советчиков своих,
И это будет лучшее решение!»

1964

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Метелица, как медведица,
Весь вечер буянит зло,
То воем внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,

И жмутся к домам машины,
Как зябнувшие щенята...

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу...
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,
Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно...
А сказкам я верю свято.

Сказка... Мечта-полуночица...
Но где ее взять? Откуда?
А сердцу так чуда хочется,
Пусть маленького, но чуда!

До боли хочется верить,
Что сбудутся вдруг мечты...
Сквозь вьюгу звонок у двери —
И вот на пороге ты!

Трепетная, смущенная.
Снится или не снится?!
Снегом запорошенная,
Звездочки на ресницах...

— Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
А я вот явилась... Можно? —
Сказка моя! Снегурочка!
Чудо мое невозможное!

Нет больше зимней ночи!
Сердцу хмельно и ярко!

Весело чай клокочет,
В доме, как в пекле, жарко...

Довольно! Хватит! Не буду!
Полночь... Гудят провода...
Гаснут огни повсюду.
Я знаю: сбывается чудо,
Да только вот не всегда...

Метелица, как медведица,
Косматая голова.
А сердцу все-таки верится
В несбыточные слова:

— Не ждал меня? Скажешь, дурочка?
Полночь гудит тревожная...
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

1964

ПАДАЕТ СНЕГ

Падает снег, падает снег —
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.

Мороз под шагами хрустит, как соль,
Лицо человека — обида и боль.
В зрачках два черных тревожных флажка
Выбросила тоска.

Измена? Мечты ли разбитой звон?
Друг ли с подлой душой?
Знает об этом только он
Да кто-то еще другой.

Случись катастрофа, пожар, беда —
Звонки тишину встревожат.

У нас милиция есть всегда
И «Скорая помощь» тоже.

А если просто: падает снег
И тормоза не визжат,
А если просто идет человек
И губы его дрожат?

А если в глазах у него тоска —
Два горьких черных флажка?
Какие звонки и сигналы есть,
Чтоб подали людям весть?!

И разве тут может в расчет идти
Какой-то там этикет,
Удобно иль нет к нему подойти,
Знаком ты с ним или нет?

Падает снег, падает снег,
По стеклам шуршит узорным.
А сквозь метель идет человек,
И снег ему кажется черным...

И если встретишь его в пути,
Пусть вздрогнет в душе звонок,
Рваниць к нему сквозь людской поток.
Останови! Подойди!

1964

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Погашены огни в учрежденье.
Рабочий день окончен. Тишина.
И лишь одной из комнат не до сна,
В месткоме разбирают заявленье.

О чем идет на заседанье речь?
О том, что муж решил уйти к другой.

И вот супруга требует пресечь
Его ошибку и вернуть домой!

И все сидят и честно заседают.
Их ждут дела, им надо отдохнуть.
А люди все решают и решают:
Вернуть супруга или не вернуть?

Кто прав и кто достоин осуждения?
Судить не мне. И что мы можем знать?
Но той, что написала заявление,
Мне все же очень хочется сказать:

— Послушайте! Я тоже против зла.
Я понимаю горечь и терзанье.
Но можно ли интимные дела
Вдруг выносить на людные собрания?!

Да, я за коллектив и за местком.
Мы без народа ничего не значим.
Но все-таки сердечные задачи
Решать, наверно, следует вдвоем.

Припомните далекий запах лета,
И то, как в омут падала звезда,
И как вы целовались до рассвета...
Ведь вам местком не нужен был тогда!

Потом вы с ним решили поселиться,
Ни у кого совета не спросив.
И никакой на свете коллектив
Не заседал: «Жениться — не жениться?»

Так почему ж теперь на обсуждение
Вы вынесли сердечные дела?
Неужто вправду может заявление
Вернуть любовь, когда она ушла?!

Проживши годы — расставаться страшно,
Ломать родное, кровное, свое!

Как быть с детьми? Бесспорно, это важно,
Согласен с вами: дети — это все!

Мы все отцы, и трудно ли представить,
Но падать ниц нельзя. И, наконец,
Уж если он детей решил оставить,
То лучше деньги, чем такой отец!

А как вам быть и как себя вести:
Забуть или вновь пойти к нему с приветом?
Судить о том не нам. Пускай вам в этом
Подскажет сердце верные пути.

И что вам назиданья, порицанья,
Ведь если счастье ставится ребром,
Навряд ли вам помогут заседанья, —
Дела любви решаются вдвоем!

1964

СЕРДИТЫЙ КРИТИК

Критик бранил стихи
Лирического поэта.
Громил и за то, и за это,
За все земные грехи!

Ругал с наслаждением, с чувством
И, строчки рубя на лету,
Назвал поцелуй распутством
И пошлостью — простоту.

Считая грубость традицией,
Над всем глумясь свысока,
Он подкреплял эрудицию
Весомостью кулака.

Сурово бранил издателей:
— Зачем печатали? Кто? —

И долго стыдил читателей
За то, что любят не то.

А надо любить усложненный,
Новаторский, смелый стих,
Где в ребра бьют электроны,
Протоны и позитроны
Вместо сердец живых.

Стихи, где от грома и света
Брызги летят из глаз...
И где возле слова «планета»
Смело стоит «унитаз»!

И вывод был прост и ясен:
«Мотайте себе на ус:
Все те, кто со мной не согласен,
Срочно меняйте вкус!»

Окончив свой громкий опус,
Из кабинетной тиши
Критик отправился в отпуск
И книгу взял для души.

Стучали колеса скорые...
А критик книгу читал,
Не ту, расхвалил которую,
А ту, какую ругал.

1964

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Осень мрачно берет разбег.
Ветра простуженный вой.
Сумрак. Ливень тугой, сплошной.
В лужах вода и снег.

Изредка шум запоздалых шин,
Пятнами слабый свет,

Но в ливне не видно почти машин,
Прохожих и вовсе нет.

А впрочем, вон, кажется, кто-то бежит
Стремительно от угла,
Бежит, и ее ничуть не страшит
Ни ливень сейчас, ни мгла.

Сквозь мокрый блеск фонарей,
Сквозь стену сплошных потоков,
Сквозь шум листвы тополей
И гулкий гром водостоков.

Вся вымокла не на шутку,
Колотится кровь в виски,
И часто стучат каблучки,
Спеша к телефонной будке.

Стук сердца уняв слегка,
Откинула мокрые пряди
И трубку сняла с рычага
Привычно, почти не глядя.

Сказала — нельзя короче,
Не голосом — всей душой:
— Милый, спокойной ночи! —
И тихо дала отбой.

Вздохнула, глаза прикрыла,
Словно держа мечту.
И шепотом повторила:
— Спокойной ночи, мой милый! —
Но это уже в темноту.

Ветер о будку бился,
Но там никого уже нет.
В потоках дождя растворился
Тоненький силуэт.

Вот так, почти без причины,
Бежать, звонить под дождем!..

подавим зависть, мужчины.
Речь сейчас не о том.

Гром, словно пес, ворчит,
По крышам ливень грохочет,
А в будке, как эхо, дрожит:
«Милый, спокойной ночи!..»

1964

Одно письмо

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо. Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно...

Зажглись рябин веселые костры,
И все вокруг вишнево-золотое...
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку,
Тайгу и звезды, море и Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

1965

Я провожу тебя

О, как ты щебечешь весело,
И как хлопотлива ты:
Жакетку на стул повесила,
Взялась поливать цветы.

С мебели пыль смахнула,
Заварку нашла на окне

И, как бы вскользь, намекнула
На нежность свою ко мне.

Вся из тепла и света,
Ты улыбаешься мне.
А я от улыбки этой
В черном горю огне!

А я сижу и не знаю:
Зачем вот такая ты?
И просто сейчас страдаю
От этой твоей теплоты.

Как много ты произносишь
Сейчас торопливых слов!
То дразнишь, то будто просишь
Откликнуться на любовь.

Грозишься, словно кометой,
Сердцем мой дом спалить.
А мне от нежности этой
Волком хочется выть!

Ну, как ты не чувствуешь только
И как сама не поймешь,
Что нет здесь любви нисколько
И каждая фраза — ложь!

Хуже дурной напасти
Этот ненужный фарс.
Ведь нет же ни грамма счастья
В свиданье таком для нас.

И если сказать открыто,
Ты очень сейчас одна,
Ты попросту позабыта
И больше ему не нужна.

А чтобы не тяжело было,
Ты снова пришла ко мне,

Как лыжница, что решила
По старой пойти лыжне.

Как будто бы я любитель
Роли «чужая тень»,
Иль чей-нибудь заместитель,
Иль милый на черный день.

Но я не чудак. Я знаю:
Нельзя любить — не любя!
Напьемся-ка лучше чаю,
И я провожу тебя...

Сегодня красивый вечер:
Лунный свет с тишиной,
Звезды горят, как свечи,
И снег голубой, голубой...

В мире все повторяется:
И ночь, и метель в стекло.
Но счастье не возвращается
К тем, от кого ушло.

Всем светлым, что было меж нами,
Я как святым дорожу.
Давай же будем друзьями,
И я тебя провожу!

1965

* * *

Все как будто сделал славно я:
Кончил разом все сомнения.
Понял вдруг, что ты — не главная:
Не любовь, а увлечение.

Ты, я верю, не плохая,
Ни игры в тебе, ни зла,
Ничего не ожидая,
Все дарила, что могла.

Только счастье невозможно
 Без клубящихся дорог,
 Слишком было все несложно,
 Слишком много было можно,
 Но ни бурь и ни тревог...

Видно, в том была причина,
 Что любовь не жгла огнем,
 И была не ярким сном,
 А простой, как та рябина
 У тебя перед окном.

И ушел я в синий вечер,
 Веря в дальнюю звезду.
 В путь! В пути я счастье встречу,
 Здесь — зачакну, пропаду.

Все как будто сделал правильно,
 Кончил разом все сомнения:
 Понял ведь, что мной оставлено
 Не любовь, а увлечение.

Значит, скоро распахнется
 Даль счастливых, новых дней.
 Сердце песней захлебнется.
 Годы мчат... Дорога вьется...
 Только сердцу не поется,
 Не поется, хоть убей!

Только холодно и тесно
 Стало сердцу моему.
 Все как будто сделал честно,
 В чем же дело — не пойму!

Отчего сквозь километры,
 Как в тумане голубом,
 Я все чаще вижу дом,
 Шторку, вздутую от ветра,
 И рябину под окном?!

1965

Я С ВАМИ ВСЕГДА,
ТОВАРИЩИ!

Гремят барабаны задорно,
Солнца лучи горят,
На галстуках и на горнах
Песню несет отряд.

В раскрытые окна дома
Врывается звонкий хор.
Мне с детства песня знакома,
Горячая, как костер!

И вот я кричу вдоль сквера,
Ладони сложив трубой:
— Детство мое! Пионеры!
Возьмите меня с собой!

Ребята мне машут руками,
Весело что-то кричат.
Над кленами и домами
Песню несет отряд.

И, стоя в окне раскрытом,
Я вижу в дальней дали,
Как строго и деловито
Уходят в рейс корабли.

А вон в духоте ковыльной,
В строю, по четыре в ряд,
Устало, дорогой пыльной
Идет батальон солдат.

Пройдя сквозь смерть и лишения,
Исполнят любой приказ.
Ни робости, ни сомненья
В молчанье спокойных глаз.

И я был таким когда-то,
И нет мне судьбы иной!

— Юность моя! Солдаты!
Возьмите меня с собой!

Грохочут шагами четкими.
Услышали или нет?
Но вот мне машут пилотками,
И песня гремит в ответ!

Как кадры из киноленты,
Картины мелькают, и вот
Я вижу сейчас, как студенты
В далекий идут поход.

Рюкзак — небольшая весомость:
Консервы, хлеб да мечта.
Парни — одна ученость!
Девчата — сплошь красота!

Пройдут от Чукотки до Крыма,
Светлые, как рассвет.
И целей недостижимых
Для них на планете нет!

И я робинзонам Арктики
Кричу в рассвет голубой:
— Песня моя! Романтики!
Возьмите меня с собой!

Голос слегка срывается.
Услышали или нет?
Но вижу: они улыбаются
И хором кричат: — Привет!

— Мне лишних удобств не надо.
Берите меня, друзья! —
И слышу в ответ: — Мы рады,
Но все обойти нельзя!

И ты не один — ты с нами!
Но сколько б ты ни шагал,

Сейчас ты нужней стихами.
Письма наши читал?

Пиши о солдатской службе,
Пиши с огоньком в крови
О настоящей дружбе,
О счастье и о любви.

Трепетом сердце полни.
Живи для людей и стихов.
Друзей постоянно помни
И плюй на своих врагов!

С мещанством и злою гнилью
В яростной будь борьбе.
А если ослабнут силы —
Мы разом придем к тебе!

В зенит салютуют молодо
Клены и фонари.
Утро несет по городу
Шелковый флаг зари.

И сквозь золотое пожарище
Я слышу шум голосов.
— Будь счастлив! — кричат товарищи. —
Горячих тебе стихов!

Друзьям, робинзонам Арктики:
— Спасибо! — кричу в ответ. —
От звезд до глубин Атлантики
Я с вами душой, романтики!
Открытий вам и побед!

1965

ОСТРОВ РОМАНТИКИ

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли
И только остров Романтики
На карты не нанесли.

А он существует, заметьте-ка,
Там есть и луна, и горы,
Но нет ни единого скептика
И ни одного резонера.

Ни шепота обывателей,
Ни скуки и ни тоски.
Живут там одни мечтатели,
Влюбленные и чудачки.

Там есть голубые утесы
И всех ветров голоса.
Белые альбатросы
И алые паруса.

Там есть залив Дон Кихота
И мыс Робинзона есть.
Гитара в большом почете,
А первое слово — «честь»!

Там сплошь туристские тропы,
И перед каждым костром
Едят черепах с укропом
Под крепкий ямайский ром.

Там песня часто увенчана
Кубком в цветном серебре.
А оскорбивший женщину
Сжигается на костре.

Гитары звенят ночами,
К созвездьям ракеты мчат.
Там только всегда стихами
Влюбленные говорят.

И каждая мысль и фраза
Сверкает там, как кристалл.
Ведь здесь никому и ни разу
Никто еще не солгал.

От Арктики до Антарктики
Люди весь мир прошли

И только остров Романтики
На карты не нанесли.

Но, право, грустить не надо
О картах. Все дело в том,
Что остров тот вечно рядом —
Он в сердце живет твоим!

1965

ЮБИЛЯР

От ярких люстр сиреневый пожар,
Президиум, цветы, преподношенья...
А в самом центре грузный юбиляр,
Торжественный, как важный циркуляр,
С улыбкой принимает поздравленья.

С трибуны льется сладостный настой:
— Спасибо вам за все, что вы даете!
Ведь вы начальник скромный и простой,
Душою светлый, сердцем золотой,
Отец в заботе и орел в работе!

На стол ложатся стопкой адреса
В красивых папках из тисненой кожи,
Шуршат стенографистки, как стрекозы,
Гудят елейным хором голоса,
Дрожат в корзинах лилии и розы...

А в зале сослуживцы юбиляра.
Они-то знают, что он за герой.
Но незлобивость, этот вирус старый,
Ах, как живуч он в нас еще порой!

А ведь уж им-то подлинно известно,
Что юбиляр — умелый карьерист,
Скорей чиновник, чем специалист,
И никакой не «чуткий» и не «честный».

Всех, с кем не ладил, мстительно травил.
 Одни льстецы ему кантаты пели.
 Нет, никого он в мире не любил,
 Лишь кверху лез, заигрывал, хитрил,
 Любой ценою добиваясь цели.

И юбилей идет, как говорится,
 «На самом высшем уровне», и тут
 Ничто не приключится, не случится
 И подхалима с места не прервут.

Ведь доброта, в людских глазах скользя,
 Наверно, так им шепчет почему-то:
 «Нельзя ж ломать торжественной минуты!»
 Нельзя ломать? А почему нельзя?!

Вот если б все, кого он зло обидел,
 Подсиживал и поедал живьем,
 Кого за честность остро ненавидел,
 Сказали б все, что следует о нем?!

Сказали б все решительно и круто,
 Все, не боясь и не смягчая слов,
 Не глядя на торжественность минуты,
 На адреса, подарки и льстецов.

Как он грубел и как жирел от чванства,
 Как загонял между друзьями клин.
 И наплевать на то, что он начальство!
 Ведь сукин сын — он всюду сукин сын!

Вот так смахнуть бы к черту все фанфары,
 И — настезь окна! Кончился елей!
 Вот это был бы славный юбилей,
 По всем статьям достойный юбиляра!

1965

СЕРДЕЧНАЯ ИСТОРИЯ

Сто раз решал он о любви своей
Сказать ей твердо. Все как на духу!
Но всякий раз, едва встречался с ней,
Краснел и нес сплошную чепуху.

Хотел сказать решительное слово,
Но, как на грех, мучительно мычал.
Невесть зачем цитировал Толстого
Или вдруг просто каменно молчал.

Вконец растратив мужество свое,
Шагал домой, подавлен и потерян,
И только с фотографией ее
Он был красноречив и откровенен.

Перед простым любительским портретом
Он смелым был, он был самим собой.
Он поверял ей думы и секреты,
Те, что не смел открыть перед живой.

В спортивной белой блузке возле сетки,
Прядь придержав рукой от ветерка,
Она стояла с теннисной ракеткой
И, улыбаясь, щурилась слегка.

А он смотрел, не в силах оторваться,
Шепча ей кучу самых нежных слов.
Потом вздыхал: — Тебе бы все смеяться,
А я тут пропадай через любовь!

Она была повсюду, как на грех:
Глаза... И смех — надменный и пьянящий.
Он и во сне все слышал этот смех
И клял себя за трусость даже спящий.

Но час настал. Высокий, гордый час!
Когда решил он, что скорей умрет,

Чем будет тряпкой. И на этот раз
Без ясного ответа не уйдет!

Средь городского шумного движенья
Он шел вперед походкою бойца,
Чтоб победить иль проиграть сраженье,
Но ни за что не дрогнуть до конца!

Однако то ли в чем-то просчитался,
То ли споткнулся где-то на ходу,
Но вновь краснел, и снова заикался,
И снова нес сплошную ерунду.

— Ну, вот и все! — Он вышел на бульвар,
Достал портрет любимой машинально,
Сел на скамейку и сказал печально:
— Вот и погиб «решительный удар»!

Тебе небось смешно, что я робею.
Скажи, моя красивая звезда:
Меня ты любишь? Будешь ли моею?
Да или нет? — И вдруг услышал: — Да!

Что это? Бред? Иль сердце виновато?
Иль просто клен прошелестел листвою?
Он обернулся: в пламени заката
Она стояла за его спиной.

Он мог поклясться, что такой прекрасной
Еще ее не видел никогда.
— Да, мой мучитель! Да, молчун несчастный!
Да, жалкий трус! Да, мой любимый! Да!

1965

ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ

Что из того, что ты уже любила,
Кому-то, вспыхнув, отворяла дверь.
Все это до меня когда-то было,
Когда-то было в прошлом, не теперь.

Мы словно жизнью зажили вторую,
Вторым дыханьем, песнею второй.
Ты счастлива, тебе светло со мною,
Как мне тепло и радостно с тобой.

Но почему же все-таки бывает,
Что незаметно, изредка, тайком
Вдруг словно тень на сердце набегаёт
И остро-остро колет холодком...

О нет, я превосходно понимаю,
Что ты со мною встретилась любя.
И все-таки я где-то ощущаю,
Что, может быть, порою открываю
То, что уже открыто для тебя.

То вдруг умело галстук мне завяжешь,
Уверенной ли шуткой рассмешишь,
Намеком ли без слов о чем-то скажешь
Иль кулинарным чудом удивишь.

Да, это мне и дорого и мило,
И все-таки покажется порой,
Что все это уже, наверно, было,
Почти вот так же, только не со мной.

А как душа порой кричать готова,
Когда в минуту ласки, как во сне,
Ты вдруг шепнешь мне трепетное слово,
Которое лишь мне, быть может, ново,
Но прежде было сказано не мне.

Вот так же точно, может быть, порою
Нет-нет и твой вдруг потемнеет взгляд,
Хоть ясно, что и я перед тобою
Ни в чем былом отнюдь не виноват.

Когда любовь врывается вторая
В наш мир, горя, кружа и торопя,
Мы в ней не только радость открываем,

Мы все-таки в ней что-то повторяем,
Порой скрывая это от себя.

И даже говорим себе нередко,
Что первая была не так сильна,
И зелена, как тоненькая ветка,
И чуть наивна, и чуть-чуть смешна...

И целый век себе не признаемся,
Что, повстречавшись с новой, другой,
Какой-то частью все же остаемся
С ней, самой первой, чистой и смешной.

Двух равных песен в мире не бывает,
И сколько б звезд ни поманило вновь,
Но лишь одна волшебством обладает,
И, как ни хороша порой вторая,
Все ж берегите первую любовь!

1965

СПОР

Однажды три друга за шумным столом
Пустились в горячие споры о том,
Что женщина ценит превыше всего
В характере нашем мужском.

Первый воскликнул: — К чему этот шум?
Скажу без дальних речей,
Что женщин всегда покоряет ум.
И это всего важней!

В этом наш главный авторитет.
Ум — это все, друзья.
«Да здравствует разум!» — сказал поэт,
И лучше сказать нельзя!

Второй, улыбнувшись, приподнял бровь:
— Совсем не в этом вопрос.

Женщина — это сама любовь!
И любит она всерьез.

И нет для мужчины уже ничего
Прямее, чем этот путь.
Он должен быть любящим прежде всего.
И в этом, пожалуй, суть!

А третий, встав, перебил друзей:
— Бросьте все препирания.
Для женщин на свете всего важней
Внимание и внимание!

Пальто подавайте. Дарите ей
Цветы. Расшибайтесь в прах!
Ну, в общем, тысячи мелочей —
И счастье у вас в руках!

На улицу вышли, а спор сильней.
Ну как решенье найти?
И тут повстречали трое друзей
Женщину на пути.

Сказали друзья: — Позвольте спросить,
Ответьте двумя словами:
Каким, по-вашему, должен быть
Мужчина, избранный вами?!

Какое свойство кажется вам
Особенно привлекательным?
— Он должен быть умным, — сказала она,
Любящим и внимательным.

1965

МОЯ ЛЮБОВЬ

Ну каким ты владеешь секретом?
Чем взяла меня и когда?
Но с тобой я всегда, всегда:
Днем и ночью, зимой и летом!

Площадями ль иду большими
Иль за шумным сижусь столом,
Стоит мне шепнуть твое имя —
И уже мы с тобой вдвоем.

Когда радуюсь или грущу я
И когда обиды терплю,
И в веселье тебя люблю я,
И в несчастье тебя люблю.
Даже если крепчайше сплю,
Все равно я тебя люблю!

Говорят, что дней круговерть
Настоящих чувств не тревожит.
Говорят, будто только смерть
Навсегда погасить их может.

Я не знаю последнего дня,
Но без громких скажу речей:
Смерть, конечно, сильнее меня,
Но любви моей не сильнее

И когда этот час пробьет
И окончу я путь земной,
Знай: любовь моя не уйдет,
А останется тут, с тобой.

Подойдет без жалоб и слез
И незримо для глаз чужих,
Словно добрый и верный пес,
На колени положит нос
И свернется у ног твоих.

1965

* * *

Мне не надо высокой фразы:
Не клянись «ни концом, ни венцом»
В том, что, став моей, ты ни разу
Не подумаешь ни о ком.

И в любви не клянись, не надо,
Ну представь, что любовь прошла.
Значит, будешь сама не рада
Тем словам, что теперь дала.

Да и я б не позволил вновь,
Унижаясь, вослед стремиться
И на клятве держать любовь,
Все равно как на нитке птицу.

Чепуха тут и лесть и месть,
И давай согласимся смело:
Если есть любовь — значит, есть,
А все клятвы — пустое дело!

Только, видишь ли, вот беда!
Нету правил без исключения,
И словесные заверенья
Все же надобны иногда.

Я прошу тебя вот о чем:
Как бы жизнь ни была сурова,
Быть лишь с правдой к лицу лицом,
Только правду всегда, во всем.
В этом, в этом ты дай мне слово!

1966

* * *

Когда мне встречается в людях дурное,
То долгое время я верить стараюсь,
Что это скорее всего напускное,
Что это случайность. И я ошибаюсь.

И, мыслям подобным ища подтверждения,
Стремлюсь я поверить, забыв про укор,
Что лжец, может, просто большой фантазер,
А хам, он, наверно, такой от смущенья.

Что сплетник, шагнувший ко мне на порог,
Возможно, по глупости разболтался,
А друг, что однажды в беде не помог,
Не предал, а просто тогда растерялся.

Я вовсе не прячусь от бед под крыло,
Иными тут мерками следует мерить.
Ужасно не хочется верить во зло,
И в подлость ужасно не хочется верить!

Поэтому, встретив нечестных и злых,
Нередко стараешься волей-неволей
В душе своей словно бы выправить их
И попросту «отредактировать», что ли!

Но факты и время отнюдь не пустяк.
И сколько порой ни насилуешь душу,
А гниль все равно невозможно никак
Ни спрятать, ни скрыть, как ослиные уши.

Ведь злого, признаться, мне в жизни моей
Не так уж и мало встречать доводилось.
И сколько хороших надежд поразбилось,
И сколько вот так потерял я друзей!

И все же, и все же я верить не брошу,
Что надо в начале любого пути
С хорошей, с хорошей и только с хорошей,
С доверчивой меркою к людям идти!

Пусть будут ошибки (такое не просто),
Но как же ты будешь безудержно рад,
Когда эта мерка придется по росту
Тому, с кем ты станешь богаче стократ!

Пусть циники жалко бормочут, как дети,
Что, дескать, непрочная штука — сердца...
Не верю! Живут, существуют на свете
И дружба навек, и любовь до конца!

И сердце твердит мне: ищи же и действуй.
Но только одно не забудь наперед:
Ты сам своей мерке большой соответствуй,
И все остальное, увидишь, — придет!

1966

ЗОЛОТАЯ КРОВЬ

Ученые Грузии нашли золото
в составе крови человека.

Из журнальной статьи

Не так давно ученые открыли
Пусть небольшой, но золотой запас.
Они его не в рудниках отрыли,
Они его нашли в крови у нас.

И пусть всего-то малая частица,
Не в этом суть, а суть, наверно, в том,
Что в нашем сердце золото стучится,
И мы весь век живем, как говорится,
Согреты этим золотым огнем.

Мы знаем фразу: «Золотые руки!»
Иль, скажем: «Золотая россыпь слов!»
Теперь буквально с помощью науки
Сказать мы вправе: «Золотая кровь!»

И может быть, с момента первородства
Чем было больше золота в крови,
Тем больше было в людях благородства,
И мужества, и чести, и любви.

И я уверен в том, что у Чапая,
У Фучика, у Зои, у таких,
Кто отдал жизнь, не дрогнув, за других,
Струилась кровь по жилам — золотая!

И право, пусть отныне медицина,
Ребят готовя в трудные бои,
Глядит не на процент гемоглобина,
А на проценты золота в крови.

И нет верней проверки на любовь,
На мужество и стойкость до конца.
Где полыхает золотая кровь —
Там бьются настоящие сердца.

1966

* * *

Был у меня соперник, неглупый был и красивый,
Рожденный, видать, в рубашке — все удавалось ему.
Был он не просто соперник, а, как говорится, счастливый,
Та, о которой мечтал я, сердцем рвалась к нему.

И все-таки я любовался, под вечер ее встречая,
Нарядную, с синими-синими звездами вместо глаз,
Была она от заката вся словно бы золотая,
И я понимал, куда она торопится в этот час.

Конечно, мне нужно было давно уж махнуть рукою.
На свете немало песен, и радостей, и дорог,
И встретить глаза другие, и счастье встретить другое,
Но я любил. И с надеждой расстаться никак не мог.

Нет, слабым я не был. Напротив, я не желал сдаваться!
Я верил: зажгу, сумею, заставлю ее полюбить!
Я даже от матери втайне гипнозом стал заниматься.
Гипноз не пустяк, а наука. Тут всякое может быть!

Шли месяцы. Как и прежде, в проулке меня встречая,
Она на бегу кивала, то холодно, то тепло.
Но я не сдавался. Ведь чудо не только в сказках бывает...
И вот однажды свершилось. Чудо произошло!

Помню холодный вечер с белой колючей крупкой,
И встречу с ней, с необычной и словно бы вдруг
хмельной.

С глазами не синими — черными, в распахнутой теплой
шубке,
И то, как она сказала: — Я жду тебя здесь. Поймай!

И дальше как в лихорадке: — Ты любишь, я знаю, знаю!
Ты славный... Я все решила... Отныне и навсегда...
Я словно теперь проснулась, все заново открываю...
Ты рад мне? Скажи: ты любишь? — Я еле выдохнул:
Да!

Тучи исчезли. И город ярким вдруг стал и звонким,
Словно иллюминацию развесили до утра.
Звезды расхохотались, как озорные девчонки,
И, закружившись в небе, крикнули мне: — Ура!

Помню, как били в стекла фар огоньки ночные,
И как мы с ней целовались даже на самой заре,
И как я шептал ей нежности, глупые и смешные,
Которых, наверное, нету еще ни в одном словаре...

И вдруг, как в бреду, как в горячке: — А здорово я
проучила!
Пусть знает теперь, как с другими встречаться у фонарей!
Он думал, что я заплачу... А я ему отомстила!
Меня он не любит? Прекрасно. Тем будет ему больней.

С гулом обрушилось небо, и разом на целом свете
Погасли огни, как будто полночь пришла навек.
Возглас: — Поймай! Куда ты?.. — Потом сумасшедший
ветер.
Улицы, переулки... Да резкий, колючий снег...

Бывают в любви ошибки, и, если сказать по чести,
Случается, любят слабо, бывает, не навсегда.
Но говорить о нежности и целовать из мести —
Вот этого, люди, не надо, не делайте никогда!

1966

* * *

Живу беспокойно, словно бегом,
Спорю, статьи пишу,
Читаю, но, поднят каким-то звонком,
Куда-то опять спешу.

Сбегáю из города к милым стихам,
Любить, тосковать, сражаться.
Но кто-то находит меня и там:
Просят на вечер к учителям.
Надо. Нельзя отказать.

Спешу я, наверно, с тех пор, как дышу,
Помню, всегда озабочен,
Спешу в драмкружок и на теннис спешу,
В кино спешу и в поход спешу,
Вот только в школу не очень...

А впрочем, шучу. И на первый урок
Всегда влетал без минуты.
Дел было масса, и все-таки в срок
Я успевал почему-то.

Такое уж сердце людское. Оно
Всегда к интересному тянется.
И сколько в него ни вмести — все равно
Местечко еще останется.

Место останется для работ,
Для смеха, что счастьем брызнет,
Для горя, для радости, для забот
И снова для целой жизни!

И нынче, встречая трудом рассвет,
Спешу я в снег и жару.
И сколько судьбой мне отпущено лет,
И сколько невзгод, и сколько побед —
Все полной мерой беру!

Беру, потому что в жизни моей
Не было легких годов.
Беру, потому что вера друзей
И стужи сильнее, и горя сильнее,
Тем паче злости врагов!

И снова меня самолеты мчат
То в Киев, то в Днепропетровск,
Маршруты, маршруты: Ташкент, Ленинград,
Куйбышев и Свердловск...

Балтиец, доярка с алтайских полей,
Студент и уральский кузнец,
Руки друзей, улыбки друзей,
Тысячи светлых сердец!

В чем сила пожатия наших рук?
На это ответ таков:
Они — герои моих стихов,
А я — их поэт и друг!

И, точку поставив в конце строки,
Снова в дороге я.
Люблю, ненавижу, иду в штыки.
— Он ищет славы! — кричат враги.
— Неправда! — кричат друзья.

А темы торопят. Бессонная ночь...
Но с первым лучом рассвета
Невзгоды прочь и усталость прочь!
Куда-то ответить, кому-то помочь,
Доспорить, выступить где-то...

Отдых? Согласен. Вот кончу, и все.
И в среду на юг уеду!
Но снова кружится колесо,
Моих беспокойных дней колесо,
И в ту, и в другую среду.

Никак ничего нельзя отложить.
Ведь дел непечатых — масса!
А может быть, так вот и стоит жить,
Вот так до последнего часа?!

1966

РОМАНТИКИ ДАЛЬНИХ ДОРОГ

Прихлынет тоска или попросту скука
Однажды присядет к тебе на порог,
Ты знай, что на свете есть славная штука —
Романтика дальних и трудных дорог.

Конечно же, есть экзотичные страны:
Слоны и жирафы средь зелени вечной,
Где ночью на пальмах кричат обезьяны
И пляшут туземцы под грохот тамтамов,
При этом почти без одежды, конечно.

Экзотика... Яркие впечатленья.
Романтика с этим не очень схожа.
Она не пираты, не приключенья,
Тут все и красивей гораздо и строже.

Соленые брызги, как пули, захлопали
По Графской пристани в Севастополе,
Но в ночь штормовую в туман до утра
Уходят дозорные катера.

А возле Кронштадта грохочет Балтика.
Курс — на Вайгач. Рулевой на посту.
А рядом незримо стоит Романтика
И улыбается в темноту.

А где-то в тайге, в комарином гуде,
Почти у дьявола на рогах,
Сидят у костра небритые люди
В брезенте и стоптанных сапогах.

Палатка геологов — сесть и пригнуться,
Приборы, спецовки — сплошной неуют.
Скажи о Романтике им, усмехнутся:
— Какая уж, к черту, романтика тут?!

Но вы им не верьте! В глухие чащобы
Не рубль их погнал за родимый порог.
Это романтики чистой пробы,
Романтики дальних и трудных дорог.

Один романтик штурмует науку,
Другой открыл уникальный храм,
А кто-то завтра протянет руку
К новым созвездиям и мирам.

Вот мчит он, вцепившись в кресло из пластика,
Взор сквозь стекло устремив к луне,
А рядом незримо летит Романтика
В невесомости и тишине...

Бродяги морей, покорители Арктики!
А здесь, посреди городской толкотни,
Есть ли в обычной жизни романтики?
Кто они? Где? И какие они?

Да те, кто живет, по макушку счастливые
Мечтами, любимым своим трудом,
Те, кто умеет найти красивое
Даже в будничном и простом.

Кто сделает замком снежную рощицу,
Кому и сквозь тучи звезда видна,
Кто к женщине так, между прочим, относится,
Как в лучшие рыцарские времена.

Немного застенчивы и угловаты,
Живут они так до момента, когда
Однажды их властно потянут куда-то
Дороги, метели и поезда.

Не к пестрой экзотике — пальмам и зебрам
 Умчат они, сердцем храня мечту,
 А чтобы обжить необжитые дебри,
 Чтоб к горным алмазам пробиться в недра
 И людям потом подарить красоту.

Мешать им не надо. Успеха не будет.
 Ведь счастье их — ветры борьбы и тревог.
 Такие уж это крылатые люди —
 Романтики дальних и трудных дорог!

1966

РАЗДУМЬЕ О СЕРДЦАХ

Сколько влюбленных живет по свету?
 Такой статистики нет пока.
 Но если полчеловечества нету,
 То треть, пожалуй, наверняка.

А все остальные, а все остальные
 Влюблялись уже или только влюбятся.
 И каждый, на звезды глядя ночные,
 Мечтает, что счастье когда-нибудь сбудется.

Но в чем же счастье твое на планете?
 — Оно в любви, что, как мир, широка! —
 Не все человечество так ответит,
 Но полчеловечества — наверняка.

А кто хоть однажды в хороший вечер,
 Со стрелок часов не спуская глаз,
 Не ожидал назначенной встречи
 И не признался в любви хоть раз?!

Есть в слове «любовь» и хмельная сила,
 И радость надежды, и боль, и тоска,
 И если его смущенно и мило

Не все человечество произносило,
То девять десятых — наверняка.

Но слово сказать — не сердце отдать.
Отсутствие чувств не заменишь ничем.
Любовь не всем суждено познать,
Она, как талант, дается не всем.

А сколько людей, а сколько людей
По всякому поводу и без повода
Готовы сказать о любви своей,
Как телеграмму послать по проводу.

Поцеловал, еще не любя,
Обнял взволнованно раз, другой,
И сразу: — Поверь, я люблю тебя! —
И тотчас, как эхо: — Любимый мой!

Признавшийся разом в любви навек
Не слишком ли часто порой бывает
Похож на банкрота, что выдал чек,
А как расплатиться потом — не знает.

На свете немало хороших слов.
Зачем же их путать себе на горе.
Влюбленность — ведь это еще не любовь.
Как речка, пусть даже без берегов,
Пусть в самый разлив — все равно не море!

Не можешь любовью гореть — не гори.
Влюблен, про влюбленность и говори.
Нежность тоже ценить умей,
Пускай это меньше. Но так честней.

И если не каждый любит пока,
Так пусть и не каждый то слово скажет.
Не все и не полчеловечества даже,
А те лишь, кто любит. Наверняка!

1966

РАЗГОВОР О ЛЖЕЦАХ

Зачем на свете люди лгут?
Причин, наверно, масса:
Одни от лжи процентов ждут,
Как вкладчик от сберкассы.

Другие веруют, что ложь,
Едва лишь миг настанет, —
Сразит противника, как нож,
Или хотя бы ранит.

Иной, стремясь не оплошать,
Спешит все с той же ложью
Повыше влезть, побольше взять
И если не на мрамор встать,
То хоть присесть к подножью.

А тот, стараясь всех надуть,
Считает, между прочим,
Что честный путь — далекий путь,
А лживый путь короче!

Привыкнув к подленькой судьбе,
Хитрит и так петляет,
Что он и сам-то уж себе
Ни в чем не доверяет.

А этот, мелок и несмел,
Готов бранить и льстить,
Чтоб ложью пятна скверных дел,
Как скатертью, прикрыть.

Он первым треснуть норовит,
Уверен непреклонно,
Что нападение — лучший вид
Скандалной обороны.

Есть в мире разные лжецы,
На все цвета и вкусы,

Но все льстецы, как подлецы, —
Отчаянные трусы.

Увы, каким же должен быть
Могучим чародей,
Чтоб вдруг от лжи освободить
Всех страждущих людей!

Но только нет волшебных слов
Для таинств исцелений,
Как нет от лжи ни порошков,
Ни электролечений.

А если так, то надо нам,
Чтоб чище в мире жить,
Непримиримый бой лжецам
Со всюю страстью тут и там
Упрямо объявить.

А чтоб с тем злом, как мир седым,
Иметь нам право биться —
Нам в жизни следует самим,
Как ни заманчив хитрый дым,
До лжи не опуститься.

Чтоб в сердце каждый человек
Нес правду, словно знамя,
Чтоб подлость таяла как снег
И мира не было вовек
Меж нами и лжецами!

1967

ДВА МАРШРУТА

Он ей предлагал для прогулок
Дорогу — простого прощя;
Налево сквозь переулок
В загородную рощу.

Там — тихое птичье пенье,
 Ни транспорта, ни зевак,
 Травы, уединенье
 И ласковый полумрак...

А вот ее почему-то
 Тянуло туда, где свет,
 Совсем по иному маршруту:
 Направо и на проспект.

Туда, где новейшие зданья,
 Реклама, стекло, металл.
 И где, между прочим, стоял
 Дворец бракосочетанья...

Вот так, то с шуткой, то с гневом,
 Кипела у них война.
 Он звал ее все налево,
 Направо звала она.

Бежали часы с минутами,
 Ни он, ни она не сдавались.
 Так наконец и расстались.
 Видать, не сошлись маршрутами.

МЕЩАНСТВО

Есть, говорят, мещанские предметы,
 И даже есть мещанские цветы.
 Вот эта вещь — мещанская, а эта —
 Хороший вкус и с красотой на «ты».

Считают, что герань — мещанский вкус,
 Зато вьюны по стенам — превосходно!
 Открытки — минус, а картины — плюс.
 Хрусталь — мещанство, а торшеры — модно!

На всем висят незримо этикетки,
 Живи и моды постигай язык:

Предел мещанства — канарейка в клетке,
А вот бульдог в машине — это шик!

«Высокий вкус» всеведущ, как Коран,
И ханжество в нем радужно-лучисто:
Гитара с бантом — атрибут мещан,
А вот без банта — спутница туриста.

Нет, что-то здесь не в том, совсем не в том!
Мещанство есть. Оно ползет из трещин.
Но все-таки при чем тут чей-то дом,
Цветы, собаки, птицы или вещи?!

Есть вкус плохой, и есть хороший вкус,
Как есть на свете заводи и реки.
И все-таки я утверждать берусь:
Мещанство не в цветах, а в человеке!

Живя судьбою сытенькой своей,
Он друга в горе обойдет сторонкой.
Мещане — совы с крохотной душонкой,
Чей Бог не вещь, а стоимость вещей.

Тут не герань, не плюшевый диван
В просторной кухне, в спальне ли, в столовой.
Нюх мещанину в этом смысле дан,
Все — первый сорт. Все — ультрамодерново!

Но вещь почти не служит мещанину.
Он сам как сторож при своих вещах:
При хельгах, лакированных полах,
Не пользуясь добром и вполовину.

Любой урон считая за беду,
Он, иногда в душе почти что воя,
Готов убить за кляксу на обоях,
За сорванное яблоко в саду.

Нет, суть здесь не в гераньке на окне,
Все дело тут совсем иного сорта.

Мещанство — это: «Я», «Мое» и «Мне»!
А мир хоть провались, хоть лопни к черту!

Оно живуче! Там оно и здесь —
Тупое, многоликое мещанство.
На службе это подленькая лесть,
А дома это мелкое тиранство.

При чем тут зонт, калоши иль замки?
Мещанство — это пошленькие песни,
Мещанство — это слухи и слушки,
Злорадный шепот, гаденькие сплетни.

Сражаться с ним все яростней и злей,
Не выбирая средств или ударов,
Все время, жестко, до последних дней,
Ибо мещанство часто пострашней
Открытых битв, невзгод или пожаров.

1967

* * *

Забыв покой, дела и развлечения,
Пренебрегая солнцем и весной,
При каждой нашей встрече мы с тобой,
Страдая, выясняем отношенья.

Нет, мы почти никак не поступаем.
До ласки ли? Раздув любой пустяк,
Мы спорим, говорим и обсуждаем,
Что так у нас с тобой и что не так.

Ну что еще: мы вместе, мы одни!
Так нет же ведь! Как варвары, наверно,
Мы медленно, старательно и верно
Друг другу укорачиваем дни...

Мы быть ужасно мудрыми стараемся,
От всех себя ошибок бережем.
И скоро до того «довыясняемся»,
Что ничего уже не разберем!

Размолвки, споры, новые сомненья...
И нам, наверно, невдомек сейчас,
Что вот как раз все эти выясненья
И есть ошибка главная у нас.

И чтоб не кончить на душевной скупости,
Давай же скажем: «Хватит! Наплевать!»
Возьмем и будем делать кучу глупостей,
Да, да, десятки самых чудных глупостей,
И ничего не будем обсуждать!

1967

ЛЮБОВЬ И ТРУСОСТЬ

Почему так нередко любовь непрочна?
Несхожесть характеров? Чья-то узость?
Причин всех нельзя перечислить точно,
Но главное все же, пожалуй, трусость.

Да, да, не раздор, не отсутствие страсти,
А именно трусость — первопричина.
Она-то и есть та самая мина,
Что чаще всего подрывает счастье.

Неправда, что будто мы сами порою
Не ведаем качеств своей души.
Зачем нам лукавить перед собою,
В основе мы знаем и то и другое,
Когда мы плохи и когда хороши.

Пока человек потрясений не знает,
Неважно — хороший или плохой,
Он в жизни обычно себе разрешает
Быть тем, кто и есть он. Самим собой.

Но час наступил — человек влюбляется.
Нет, нет, на отказ не пойдет он никак.
Он счастлив. Он страстно хочет понравиться.

Вот тут-то, заметьте, и появляется
Трусость — двуличный и тихий враг.

Волнуясь, боясь за исход любви
И словно стараясь принарядиться,
Он спрятать свои недостатки стремится,
Она — стушевать недостатки свои.

Чтоб, нравясь, быть самыми лучшими, первыми,
Чтоб как-то «подкрасить» характер свой,
Скупые на время становятся щедрыми,
Неверные — сразу ужасно верными,
А лгуны за правду стоят горой.

Стремясь, чтобы ярче зажглась звезда,
Влюбленные словно на цыпочки встали
И вроде красивей и лучше стали.
«Ты любишь?» — «Конечно!»
«А ты меня?» — «Да!»

И все. Теперь они муж и жена.
А дальше все так, как случиться и должно:
Ну сколько на цыпочках выдержать можно?!
Вот тут и ломается тишина...

Теперь, когда стали семейными дни,
Нет смысла играть в какие-то прятки.
И лезут, как черти, на свет недостатки,
Ну где только, право, и были они?

Эх, если б любить, ничего не скрывая,
Всю жизнь оставаясь самим собой,
Тогда б не пришлось говорить с тоской:
«А я и не думал, что ты такая!»
«А я и не знала, что ты такой!»

И может, чтоб счастье пришло сполна,
Не надо душу двоить свою.
Ведь храбрость, пожалуй, в любви нужна
Не меньше, чем в космосе или в бою!

1967

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Ты хочешь, чтоб звезды посыпались
Со звоном в твои ладони?
Чтоб с шумом из мрака вырвались
Костров гривастые кони?

Чтоб ветви, сомкнув объятия,
Твое повторяли имя?
Чтоб стало парчовым платье,
А туфельки — золотыми?

Ты хочешь, чтоб соболю черный
Дал гордый разлет бровям?
Чтоб сорок ветров покорно
Упали к твоим ногам?

Чтоб в курточках темно-зеленых,
Посыпавшись вдруг с ветвей,
Двести веселых гномов
Стали свитой твоей?

Ты хочешь, чтоб в пестрых красках,
Звездой отразясь в реке,
Вышла из леса сказка
С жар-птицею на руке?

А хочешь, скажи, ты хочешь
Такою красивой стать,
Что даже у южной ночи
Уж нечего будет взять?..

Ты верь мне, я лгать не буду!
Есть сто золотых ключей,
Я все их тебе добуду!
Я сто отыщу дверей!

А чтоб распахнуть их сразу
В волшебную ту страну,
Скажи мне одну лишь фразу,
Одну лишь, всего одну!

Слова в ней совсем простые,
Но жар их сильнее огня.
Скажи мне слова такие —
Скажи, что любишь меня!

1967

СТИХИ, НЕ ПРЕТЕНДУЮЩИЕ
НА УЧЕНЫЙ ТРАКТАТ

Бывает ли переселенье душ?
Наука говорит, что не бывает.
— Все, что живет, — бесследно исчезает, —
Так скажет вам любой ученый муж.

И уточнит: — Ну, правда, не совсем,
Ты станешь вновь материей, природой:
Азотом, водородом, углеродом,
Железом, хлором, ну буквально всем!

Ответ как прост, так и предельно ясен.
Но человек есть все же человек,
И превратиться в атомы навек
Я как-то не особенно согласен...

Ну как же так! Живешь, живешь — и вдруг
Изволь потом в частицу превратиться.
Нет, я далек от всяких адских мук,
Но ведь нельзя ж кончать и на частицах!

Одних глупцов способен утешать
Поклон, богам иль идолам отвешенный.
И все-таки обидно как-то стать
Частицей, пусть хотя бы даже взвешенной.

Прости меня, наука! Разум твой
Всю жизнь горел мне яркою зарею.
Я и сейчас стою перед тобою
С почтительно склоненной головой.

Да, после нас останется работа.
А нас, скажи, куда в конце пути?
Стать углекислым газом? Нет, прости.
Наверно, ты недооткрыла что-то!

Ведь даже муж с ученой эрудицией
При неудачах шепчет: — Не везет... —
И от судьбы порой чего-то ждет
И очень даже верит в интуицию.

Нет, нам не надо всякой ерунды!
Мы знаем клетку, биотоки знаем,
И все же мы отнюдь не отрицаем,
Что есть подчас предчувствие беды.

А разве вы порою не ловили
Себя на мысли где-нибудь в кино
Иль глядя на гравюру, что давно
Вы в том краю уже когда-то были?..

Или в пути, совсем вдали от дома,
Какой-то город, речка или храм
Покажутся до боли вам знакомы,
Так, словно детство прожили вы там!

Переселенье душ? Сплошная мистика?
Кто ведает? И пусть скажу не в лад,
А все же эта самая «глупистика»
Поинтересней как-то, чем распад.

Да и возможно ль с этим примириться:
Любил, страдал, работал с огоньком,
Был вроде человеком, а потом
Стал сразу менделеевской таблицей.

А атому — ни спеть, ни погрузить,
Ни прилететь к любимой на свиданье,
Ни поработать всласть, ни закурить,
Одно научно-строгое молчанье.

Нет, я никак на это не гожусь!
 И ну их — клетки, биотоки, души...
 Я просто вновь возьму вот и рожусь,
 Рожусь назло ученому чинуше.

И если вновь вы встретите поэта,
 Что пишет на лирической волне,
 Кого ругают критики в газетах,
 А он идет упрямо по стране;

Идет, все сердце людям отдавая,
 Кто верит, что горит его звезда,
 Чей суд — народ, ему он присягает,
 И нету выше для него суда;

Кто смерть пройдет и к людям возвратится,
 Он — их поэт, они — его друзья,
 И если так, товарищи, случится,
 Не сомневайтесь: это снова я!

1967

ДОБРЫЙ ПРИНЦ

Ты веришь, ты ищешь любви большой,
 Сверкающей, как родник.
 Любви настоящей, любви такой,
 Как в строчках любимых книг.

Когда повисает вокруг тишина
 И в комнате полутемно,
 Ты часто любишь сидеть одна,
 Молчать и смотреть в окно.

Молчать и видеть, как в синей дали,
 За звездами, за морями,
 Плывут навстречу тебе корабли
 Под алыми парусами...

То рыцарь Айвенго, врагов рубя,
 Мчится под топот конский.

А то приглашает на вальс тебя
Печальный Андрей Болконский.

Вот шпагой клянется д'Артаньян,
Влюбленный в тебя навеки.
А вот преподносит тебе тюльпан
Пылкий Ромео Монтекки.

Проносится множество глаз и лиц,
Улыбки, одежды, краски...
Вот видишь: красивый и добрый принц
Выходит к тебе из сказки.

Сейчас он с улыбкой наденет тебе
Волшебный браслет на запястье.
И с этой минуты в его судьбе
Ты станешь судьбой и счастьем!

Когда повисает вокруг тишина
И в комнате полутемно,
Ты часто любишь сидеть одна,
Молчать и смотреть в окно...

Слышны далекие голоса,
Плывут корабли во мгле...
А все-таки алые паруса
Бывают и на земле!

И, может быть, возле судьбы твоей
Где-нибудь рядом, здесь,
Есть гордый, хотя неприметный Грэй
И принц настоящий есть!

И хоть он не с книжных сойдет страниц,
Взгляни! Обернись вокруг:
Пусть скромный, но очень хороший друг,
Самый простой, но надежный друг —
Может, и есть тот принц?!

1967

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ

Спорят о славе поэты.
Критики спорят тоже.
А славе плевать на это,
Хоть лопни, хоть лезь из кожи!

В литературном храме,
Перья скрестив свои,
Поэты спорят стихами,
Критики пишут статьи.

Критики дело знают:
Локтями тесня друг дружку,
Кого в основном читают,
С тех и «снимают стружку»!

Снимают, всюю стараются,
Лупят кого-то всласть
И сами же удивляются,
В лужу потом садясь.

Но это не вразумляет,
И вновь они ищут трещины!
Я знаю, как это бывает, —
Сам получал затрещины.

Эх, сколько ж меня склоняли!
И как же в меня палили!
Такого нагромоздили,
Самим-то понять едва ли!

И все-таки самое главное,
После как оказалось,
Да все за эту за самую,
О Господи, популярность!

Ну словно кого обманывал,
Ограбил, или подвел,

Иль, скажем, читателей сманивал
И прятал в письменный стол.

И тем, кто приходит в ярость,
Я тихо хочу сказать:
— Возьмите себе популярность
И дайте спокойно писать!

1967

НОЧНЫЕ ОГНИ

В простудном мраке, в сырости ночной
Горит огонь спокойно-одиноким.
Чуть-чуть печальный, трепетный такой,
Загадочный, манящий и далекий...

Он, словно Марс или живой цветок,
Таинственный и в то же время честный.
Пылающий во мраке уголек,
Кусочек чьей-то жизни неизвестной.

Огонь ли это путника в степи,
Окно ли светит? Это я не знаю.
Но кто-то там не спит теперь, не спит!
И чья-то там душа сейчас живая!

Покажется: вот сто шагов всего,
И ты укрыт от холода и ветра,
Да только вот нередко до него
Десятки и десятки километров...

Невольно представляешь, что вон там
Сидят сейчас охотники-бродяги,
Пьют чай с горячим ромом пополам
И ждут к утру перепелиной тяги.

Или, быть может, там, перед окном,
Сидит из сказки девушка с косою

И, отложив большой, тяжелый том,
Глядит во тьму с задумчивой тоскою.

Иль мать-старушка долгий, долгий срок
Сидит и ждет, когда вернуться дети,
А путник забредет на огонек —
Она теплом и путника приветит.

Или, костром пронзая синий мрак,
Влюбленные сидят в сосновой роще,
А может, все совсем, совсем не так —
И будничнее, и скучней, и проще...

И все же я люблю их! Я готов
С мальчишских лет всегда мечтать о чуде,
Люблю огни летящих поездов —
Живые кадры чьих-то дум и судеб.

Огонь в ночи!.. Ненастье... Вязнут ноги...
Со снегом дождь... А путь далек-далек...
И что бы стало с путником в дороге,
Когда б не этот добрый огонек?!

И есть там сказка или сказки нету —
Не в этом суть. Ты верь, и ты иди!
Он как надежда, этот лучик света,
Как искра счастья где-то впереди.

Ведь счастье тоже может быть порою
Чуть-чуть не то, которого ты ждешь,
Но ты страдаешь, борешься, живешь,
Пока оно горит перед тобою.

Возможно, птицей с синими крылами
Оно должно быть вечно впереди,
И кто ответит, может быть, в пути
Вот так к нему и следует идти
И никогда не брать его руками?!

1967

ВАЖНЫЕ МИНУТЫ

Беда ли это, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,
Доверчивым, застенчиво-несмелым, —
Беда все это или не беда?

Навряд ли это повод к обсуждению.
У всех, как говорят, своя стезя.
И все же есть минуты и мгновенья,
Когда безвольным быть уже нельзя.

Ведь ты порой и сам не замечаешь,
Как среди житейских горестей и благ
То там, то здесь кому-то уступаешь.
И вдруг однажды словно замираешь:
Тебя толкают на бесчестный шаг.

Тот шаг нередко выгоден кому-то,
Кто может все. Какой же дать ответ?
Вот и пришла та самая минута,
Чтоб встать, чтоб бросить, как гранату:
— Нет!

Весна! Планета, будто сердце, бьется.
Любовь пришла. Она к тебе летит!
Душа твоя ей в чувствах признается,
А вот язык предательски молчит.

Но милая, едва у дома встанешь,
Уже спешит проститься до утра.
И ты идешь обратно и не знаешь,
Пора признаться или не пора.

А вот сейчас, задумчиво-робка,
Она стоит и медлит почему-то.
Пора! Пришла та самая минута.
Скажи. Не то пропал наверняка!

Вы с другом в горы как-то забрались.
Стучали бодро крепкие ботинки.
Вдруг, оступившись, друг слетел с тропинки
И на скале над пропастью повис...

Судьба вдруг разом повернулась круто.
Ползти к обрыву — жизнью рисковать.
Пусть так. Смелей! Сейчас пришла минута —
Иль вместе жить, иль вместе умирать!

Года спешат, друг друга обгоняя...
Но сколько же порою там и тут,
В большом и малом людям выпадает
Решительных мгновений и минут!

О, как мы спорим, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,
Доверчивым, застенчиво-несмелым, —
Беда все это или не беда?

Пусть — цена всем этим обсуждениям!
А чтоб людьми серьезно дорожить,
О них не худо было бы судить
Вот по таким минутам и мгновеньям.

1968

* * *

Я мелкой злости в жизни не испытывал,
На мир смотрел светло, а потому
Я ничему на свете не завидовал:
Ни силе, ни богатству, ни уму.

Не ревновал ни к радостному смеху
(Я сам, коли захочется, — смеюсь),
Ни к быстрому и громкому успеху
(И сам всего хорошего добьюсь).

Но вы пришли. И вот судите сами:
Как ни смешно, но я признаюсь вам,
Что с той поры, как повстречался с вами,
Вдруг, как чудак, завидую вещам.

Дверям, что вас впускают каждый вечер,
Настольной лампе, сделанной под дуб,
Платку, что обнимает ваши плечи,
Стакану, что коснулся ваших губ.

Вы усмехнетесь: дескать, очень странно,
Вещь — только вещь! И я согласен. Да.
Однако вещи с вами постоянно.
А я — вдали. И в этом вся беда!

А мне без вас неладно и тревожно:
То снег, то солнце чувствую в крови.
А мне без вас почти что невозможно.
Ну хоть совсем на свете не живи!

Я мелкой злости с детства не испытывал,
На мир смотрел светло, а потому
Я ничему на свете не завидовал:
Ни славе, ни богатству, ни уму.

Прошу вас: возвратите мне свободу!
Пусть будет радость с песней пополам.
Обидно ведь завидовать вещам,
Когда ты человек и царь природы!

1968

АРТИСТЫ

Кто выдумал, будто бы лгут артисты!
Что в жизни порою ворчат и пьют,
А вот на сцене трезвы и чисты,
Бывают возвышенны и речисты.
Артисты ни в чем не лгут!

Не просто Пушкина или Шекспира
 Они зажжены вдохновенным словом.
 Артисты на сцене и вправду Леры,
 И вправду Гамлеты и Ратмиры,
 И впрямь Джульетты и Годуновы!

Душа вселенной сродни лучистой,
 Где звезды разной величины.
 И вот на сцене в душе артиста
 Нередко ярчайшие зажжены.

Тогда почему же ярчайшие, главные,
 Всю жизнь постоянно в них не горят?
 Но главные, так же как буквы заглавные,
 Не могут быть всюду или подряд.

Никто же не требует от атлета
 Ходить со штангой на спине!
 И разве мы требуем от пилота
 Быть вечно в заоблачной вышине?!

И кто артистов порой осудит
 За неприглаженные пути?
 Артисты тоже живые люди,
 А не архангелы во плоти!

Герои были светлы, а все же
 Принц Гамлет умел и не воду пить...
 Да и Джульетта, коль надо, тоже,
 Исполнена светлой, сердечной дрожи.
 Могла сто нянек перехитрить.

И если где-то в житейском мире
 Артисты спорят или вина пьют,
 Среди вас без грима все те же Леры,
 Марии, Гамлеты и Ратмиры,
 И вы им верьте. Они не лгут!

1968

РАЗНЫЕ СВОЙСТВА

Заяц труслив, но труслив оттого,
Что вынужден жить в тревоге,
Что нету могучих клыков у него,
А все спасение — ноги.

Волк жаден скорее всего потому,
Что редко бывает сытым,
А зол оттого, что, наверно, ему
Не хочется быть убитым.

Лисица хитрит и дурачит всех
Тоже не без причины:
Чуть зазевалась — и все! Твой мех
Уже лежит в магазине.

Щука жестоко братьев жрет,
Но сделайте мирными воды,
Она кверху брюхом тотчас всплывет
По всем законам природы.

Меняет окраску хамелеон
Бессовестно и умело.
— Пусть буду двуличным, — решает он. —
Зато абсолютно целым.

Деревья глушат друг друга затем,
Что жизни им нет без света,
А в поле, где солнца хватает всем,
Друг к другу полны привета.

Змея премерзко среди травы
Ползает, пресмыкается.
Она б, может, встала, но ей, увы,
Ноги не полагаются...

Те — жизнь защищают. А эти — мех.
Тот бьется за лучик света.
А вот — человек. Он сильнее всех!
Ему-то зачем все это?

1968

ОТЦЫ И ДЕТИ

Сегодня я слово хочу сказать
Всем тем, кому золотых семнадцать,
Кому окрыленных, веселых двадцать,
Кому удивительных двадцать пять.

По-моему, это пустой разговор,
Когда утверждают, что есть на свете
Какой-то нелепый извечный спор,
В котором воюют отцы и дети.

Пуškai болтуны, что хотят, твердят,
У нас же не две, а одна дорога,
И я бы хотел вам, как старший брат,
О ваших отцах рассказать немного.

Когда веселитесь вы или даже
Танцуете так, что дрожит звезда,
Вам кто-то порой с осуждением скажет:
— А мы не такими были тогда!

Вы строгою меркою их не мерьте,
Пуškai. Ворчуны же всегда правы.
Вы только, пожалуйста, им не верьте, —
Мы были такими же, как и вы!

Мы тоже считались порой пижонами
И были горласты в своей правоте,
А если не очень-то были модными,
То просто возможности были не те.

Когда ж танцевали мы или бузили,
Да так, что срывалась с небес звезда,
Мы тоже слышали иногда:
— Нет, мы не такими когда-то были!

Мы бурно дружили, мы жарко мечтали.
И все же порою — чего скрывать! —
Мы в парты девчонкам мышей совали,
Дурили, скелетам усы рисовали,
И нам, как и вам, в дневники писали:
«Пусть явится в срочном порядке мать!»

И все-таки в главном, большом, серьезном
Мы шли не колеблясь, мы прямо шли,
И в лихолетье свинцово-грозном
Мы на экзамене самом сложном
Не провалились, не подвели.

Поверьте, это совсем не просто —
Жить так, чтоб гордилась тобой страна,
Когда тебе вовсе еще не по росту
Шинель, оружие и война.

Но шли ребята назло ветрам
И умирали, не встретив зрелость,
По рощам, балкам и по лесам,
А было им столько же, сколько вам,
И жить им, конечно, до слез хотелось.

За вас, за мечты, за весну ваших снов
Погибли ровесники ваши — солдаты:
Мальчишки, не брившие даже усов,
И не слыжавшие нежных слов,
Еще не целованные девчата.

Я знаю их, встретивших смерть в бою,
Я вправе рассказывать вам об этом,
Ведь сам я, лишь выживший чудом, стою
Меж их темнотою и вашим светом.

Но те, что погибли, и те, что пришли,
Хотели, надеялись и мечтали,
Чтоб вы, их наследники, в светлой дали
Большое и звонкое счастье земли
Надежно и прочно потом держали.

Но быть хорошими — значит ли жить
Стерильными ангелочками?
Ни станцевать, ни спеть, ни сострить,
Ни выпить пива, ни закурить,
Короче: крахмально белея, быть
Платочками-уголочками?!

Кому это нужно и для чего?
Не бойтесь шуметь нисколько.
Резкими будете — ничего!
И даже дерзкими — ничего!
Вот бойтесь цинизма только.

И суть не в новейшем покрое брюк,
Не в платьях, порой кричащих,
А в правде, а в честном пожатии рук
И в ваших делах настоящих.

Конечно, не дай только Бог, ребята,
Но знаю я, если хлестнет гроза,
Вы твердо посмотрите ей в глаза,
Так же, как мы смотрели когда-то.

И вы хулителям всех мастей
Не верьте. Нет никакой на свете
Нелепой «проблемы» отцов и детей,
Есть близкие люди: отцы и дети!

Идите ж навстречу ветрам событий,
И пусть вам всю жизнь поют соловьи.
Красивой мечты вам, друзья мои!
Счастливых дорог и больших открытий!

1968

Дорожите счастьем, дорожите!
Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звезды глаз —
Это все для вас, для вас, для вас.

Услыхали трепетное слово —
Радуйтесь. Не требуйте второго.
Не гоните время. Ни к чему.
Радуйтесь вот этому, ему!

Сколько песне суждено продлиться?
Все ли в мире может повториться?
Лист в ручье, снегирь, над кручей вяз...
Разве будет это тыщу раз!

На бульваре освещают вечер
Тополей пылающие свечи.
Радуйтесь, не портите ничем
Ни надежды, ни любви, ни встречи!

Лупит гром из поднебесной пушки.
Дождик, дождь! На лужицах веснушки.
Крутит, пляшет, бьет по мостовой
Крупный дождь в орех величиной.

Если это чудо пропустить,
Как тогда уж и на свете жить?!
Все, что мимо сердца пролетело,
Ни за что потом не возратить!

Хворь и ссоры временно отставьте,
Вы их все для старости оставьте.
Постарайтесь, чтобы хоть сейчас
Эта «прелесть» миновала вас.

Пусть бормочут скептики до смерти.
Вы им, желчным скептикам, не верьте —

Радости ни дома, ни в пути
Злым глазам, хоть лопнуть, — не найти!

А для очень, очень добрых глаз
Нет ни склок, ни зависти, ни муки.
Радость к вам сама протянет руки,
Если сердце светлое у вас.

Красоту увидеть в некрасивом,
Разглядеть в ручьях разливы рек!
Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот и впрямь счастливый человек!

И поют дороги и мосты,
Краски леса и ветра событий,
Звезды, птицы, реки и цветы:
Дорожите счастьем, дорожите!

1968

ОН НАСТОЯЩИМ ДРУГОМ БЫЛ

У парня был хороший друг,
Задорен и смешлив.
Был друг как друг, но как-то вдруг
Стал тих и молчалив.

Проведал парень: у него
Был тяжело болен сын.
— Держись! — сказал он. — Ничего,
Ведь ты же не один.

Он продал мотоцикл без слов
Какому-то дельцу.
Кровь подошла? Даешь и кровь
Курносому мальцу.

Потом, когда прибой похвал
Приветственно гудел,

Он лишь плечами пожимал,
Сердился и краснел,

Как будто людям говорил:
За что хвалить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего!

Друг раз кого-то зло поддел
И, смяв, перешагнул.
И парень вспыхнул, не стерпел,
Он друга взял и вздул.

Когда же кто-то упрекал
Потом в толкучке дел,
Он лишь плечами пожимал,
Сердился и краснел,

Как будто людям говорил:
Зачем корить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего!

Зимой пошли на лыжах в лес.
Вот мостик и разъезд.
Вдруг, охнув, друг упал на рельс,
А в ста шагах — экспресс!

Уж бьет прожектор по глазам!
Он к другу подлетел,
Он друга вниз столкнул, а сам
Не спрыгнул. Не успел...

Потом был час, нелегкий час,
Прощанье и венки,
И митинг, и десятки глаз,
Застывших от тоски.

В речах сказали, что герой,
Что храбро пролил кровь,
А он лежал простой-простой,
Чуть приподнявши бровь,

Как будто людям говорил:
Зачем хвалить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего!..

1968

ХУДШАЯ ИЗМЕНА

Какими на свете бывают измены?
Измены бывают явными, тайными,
Злыми и подлыми, как гиены,
Крупными, мелкими и случайными.

А если тайно никто не встречается,
Не нарушает ни честь, ни обет,
Ничто не случается, не совершается,
Измена может быть или нет?

Раздвинув два стареньких дома плечом,
С кармашками окон на белой рубашке,
Вырос в проулке верзила-дом,
В железной фуражке с лепным козырьком,
С буквами «Кинотеатр» на пряжке.

Здесь, на девятом, в одной из квартир,
Гордись изяществом интерьера,
Живет молодая жена инженера,
Душа семейства и командир.

Спросите мужа, спросите гостей,
Соседей спросите, если хотите,
И вам не без гордости скажут, что с ней
По-фатоватому не шутите!

Она и вправду такой была.
Ничьих, кроме мужниных, ласк не знала.
Смеялись: — Она бы на зов не пошла,
Хоть с мужем сто лет бы в разлуке жила,
Ни к киногерою, ни к адмиралу.

И часто, иных не найдя резонов,
От споров сердечных устав наконец,
Друзья ее ставили в образец
Своим беспокойным и модным женам.

И все-таки, если бы кто прочел,
О чем она втайне порой мечтает,
Какие мысли ее посещают,
Он только б руками тогда развел!

Любила мужа иль не любила?
Кто может ответить? Возможно — да.
Но сердце ее постепенно остыло.
И не было прежнего больше пыла,
Хоть внешне все было как и всегда.

Зато появилось теперь другое.
Нет, нет, не встречалась она ни с кем!
Но в мыслях то с этим была, то с тем...
А в мыслях чего не свершишь порою.

Эх, если б добряга, глава семейства,
Мог только представить себе хоть раз,
Какое коварнейшее злодейство
Творится в объятых его подчас!

Что видит она затаенным взором
Порой то этого, то того,
То адмирала, то киноактера,
И только, увы, не его самого...

Она не вставала на ложный путь,
Ни с кем свиданий не назначала,

Запретных писем не получала,
Ее ни в чем нельзя упрекнуть.

Мир и покой среди домашних стен.
И все-таки, если сказать откровенно,
Быть может, как раз вот такая измена
Самая худшая из измен!

1968

ОТТЕПЕЛЬ

Звенит капель, звенит капель:
От-те-пель, от-те-пель!
Однако это не весна,
Еще январь, а не апрель.

Вчера буран, беря разбег,
Дул в лица стужей ледяной,
И было все — зима и снег,
Совсем как и у нас с тобой...

Сегодня злобная метель
Вползла под арку у ворот.
Сегодня — синяя капель
И в лужах — мир наоборот.

Сегодня — в радуге стекло
И легкий пар над мостовой.
Сегодня — временно тепло,
Совсем как и у нас с тобой...

Но долго лужам не сверкать,
Ведь это солнце и вода
С утра исчезнут без следа,
Когда мороз придет опять.

Метель, надвинув шаль на бровь,
Дохнет колючею тоской,
И все заледенеет вновь,
Совсем как и у нас с тобой...

Но сколько бы пурге ни месть
И как ни куролесит зло,
Однако у природы есть
И настоящее тепло.

Оно придет с тугим дождем,
С веселой, клейкою листвой,
Придет, швыряя гулкий гром,
И станет радостно кругом,
Совсем не как у нас с тобой...

1969

ТВОЙ ГОЛОС

Твой голос из приемника звучит
Задумчиво и чуточку печально.
И чем-то дальним, трепетно-прощальным
Он заново мне душу берedit.

И ведь не надо, ну совсем не надо!
А вот влетел, хоть радуйся, хоть злись.
Звения, заполнил все. И так он рядом,
Что хоть рукой сейчас его коснись!

За окнами, на темной ветке клена,
Как дятел, дремлет месяц молодой.
И облака, потягиваясь сонно,
Собравшись в круг, застыли над рекой...

А ты поешь... Ты словно угадала,
Что я сию настороженно-нем.
«Зачем тебя я, милый мой, узнала?»
А в самом деле, для чего? Зачем?

Зачем рвались и назначали встречу
И между нами протянулась нить?
Я сам сейчас, наверно, не отвечу,
Не все на свете можно объяснить.

Аккорды скрипок стройны и упруги,
 А голос твой то пламя, то зима...
 И вдруг упала огненная вьюга:
 «О нет, не рождены мы друг для друга!»
 Ну вот ты и ответила сама.

1969

ПРИМЕТЫ

Водя корабли, управляя ракетами,
 Создав радара бессонный глаз,
 Мы, как ни смешно, не расстались с приметами.
 Они едва ль не в крови у нас!

Господа Бога давно отставили.
 Ясно ведь сказано: нет его!
 А вот приметы пока оставили.
 Ведь не религия. Ничего.

И ведь смеемся же: «Предрассудки!
 Глупистика, мелочи, ерунда!..»
 А сами нередко, шутки-то шутки,
 Без этой «глупистики» — никуда!

В школьные годы известно точно:
 Не знаешь урока — держись за каблук.
 Тогда не спросят. Примета прочная!
 Не выпусти только каблук из рук!

Тогда ни морали, ни двойки, ни гнева.
 Но только не путайся никогда:
 Держись не за правый каблук, а за левый.
 Возьмешься за правый — тогда беда!

А на контрольной, коль нет подковки,
 Судьбу не терзай: — Пощади! Помогите! —
 Есть средство: сними (наплевать, что неловко)
 Башмак или туфлю с левой ноги.

Зато уж студент — в пониманье высоком,
Великий мастер насчет примет:
Он в дверь не войдет на экзамен боком
И точно отыщет «счастливый билет».

Любая примета ему, как мошка!
Он знает их лучше, чем снег в декабре.
Не говоря уж о черных кошках,
Тринадцатых числах и прочей муре.

Да что там студент! Академик, доктор,
Придя на важный доклад с утра,
Услышав: — Ни пуха и ни пера! —
Сказал аспирантке: — Идите к черту!

Артистка, народная, в сорок лет,
Текст роли выронив неосмотрительно,
Уселась в ужасе на паркет,
Роль под себя подложив предварительно.

Такая примета: наплюй на чин,
На возраст и званье! Коль роль упала —
Сядь и припомни трех лысых мужчин,
Не то обязательно жди провала.

Приметы повсюду. Просто беда.
— Куда ты идешь? — я спросил у знакомой.
— Тьфу! Ну зачем ты спросил «куда»?
Знала бы, лучше б осталась дома!

Однажды за час до выхода в море
На крейсер к старпому пришла жена
И тем всю команду повергла в горе:
На судне — женщина! Все. Хана!

И после, едва не порвав тельняшки,
Хлопцы отчаянно и упрямо
Драили палубу, дверь, медяшку —
Все, к чему прикасалась дама.